

Мударис Валеев

Визитная карточка

Изборник

Казань. Издательство «Милли китап»
Издательство «Магариф»
2008

УДК 655 (470.41)
ББК 76.17 (2 Рос-Тат)
Валеев М. Х.

Визитная карточка : Изборник / Мударрис Валеев. — Казань: Милли китап, Магариф, 2008. — 144

с.

ISBN 978-5-88473-048-9.....

В Священном писании мусульман — Коране сказано: [в Судный день] «Каждый народ будет призван к своей Книге». В масштабах мироздания «Китаб» (Книга) — это своеобразный дневник-отчет и «визитная карточка» каждого племени, каждого раба божьего.

ISBN 978-5-88473-048-9

© Издательство «Магариф», 2008

© Издательство «Милли китап», 2008

РАСКРЫТАЯ КНИГА — РУКИ, СЛОЖЕННЫЕ ДЛЯ МОЛИТВЫ

(На пороге)

Они сказали: «О Салих! Ты был среди нас до этого ожидаемой надеждой. Неужели запрещаешь ты нам поклониться тому, чему поклонялись наши отцы? И, воистину, мы — в тревожном сомнении относительно того, к чему призываешь ты нас».

Коран. Сура «Худ», стих 65

Дорогой мой Читатель! Ты уже открыл эту книгу и успел прочитать ее первые строки... Раскрытая книга напоминает руки, сложенные для молитвы.

Прошу простить меня за то, что выбрал эпитафию слова из Священной Книги. Я увидел в них какой-то намек, как бы услышал отзвук моей «первой жизни»: ведь когда-то, в раннем детстве, меня тоже звали «Салих»... И если я смог совершить во «второй» своей жизни хоть что-нибудь значительное, то во многом обязан пророческому звучанию того, полузабытого уже имени.....

Безусловно, напоминание одного из аятов Корана ни в коей мере не означает, что я претендую на какое-то особое предназначение. Да сохранит меня Аллах от такой гордыни! И все же не хочется думать, что наследники Адама и Евы, сошедших, как гласит предание, с Небес, со временем стали рождать только тех, кто не желает поднять головы, чтобы взглянуть на звездное небо, и не способен говорить со Всевышним. Вовлечение в бесконечную орбиту культуры человечества, избрание в качестве главной опоры неразрывного триединства Веры, Надежды и Любви — разве все это не придает устойчивости нашему духу на линии пересечения прошлого с настоящим?!

Тебе, Читатель, может показаться, что в этой книге вопросительных знаков больше, чем восклицательных; но это вовсе не означает, что я «в тревожном сомнении» или не уверен в себе. Я просто надеюсь встретить с Твоей стороны сопереживание и уповаю на совместный поиск ответов на вопросы, поставленные самой жизнью. Вместе с тем, когда оглядываешься назад, порою даже трудно определить: тем ли путем мы шли, была ли это настоящая жизнь или блуждание в Королевстве Кривых Зеркал? И как нам теперь оценивать годы, проведенные в этом искривленном мире? А ведь мы и тогда верили, любили, надеялись.....

...Вот с такой надеждой на понимание с Твоей стороны приступаю я к размышлениям о жизни и литературе. Поэтому, приглашая Тебя, дорогой Читатель, переступить «порог» моей книги, я как радушный хозяин с некоторым душевным трепетом говорю: «Добро пожаловать! Түрдэн уз!»

ПОМНИШЬ?

Память о детстве век удлинняет.

Мамины слова

В тоске по детству
весь свой век живет поэт.....

Габдулла Тукай

Свежевыпавший снег пахнет цветущей «яблочной травкой».

Дыша на замерзшее стекло, рисую этот простой, с тонким яблочным ароматом цветок.

Его в разных местах называют по-разному: и духовитым цветком, и душистой травкой, и цветком бадьяна, и цветком звездчатого аниса. А вот у нас зовут «алма-гөл», то есть яблоко-цветок, яблочная травка.....

Средь суровой зимы просыпается во мне ностальгия по этому тонкому анисовому запаху. Зовет она меня на солнечную поляну воспоминаний — освежает в моей памяти пережитое, и счастье его и боль:

— Помнишь? — вопрошает она.

Помнишь?.. У ваших ворот отчего-то гуще и ретивей росла эта пряная травка. И бабушка твоя, словно лаская тебя, заботливо ухаживала за ней, растирала в пальцах лепестки и вдыхала сладковатый запах... Помнишь ту трескучую от мороза январскую ночь, когда бабушке всего и осталось от жизни радости, что глотнуть воды из чайной ложечки, поднесенной к ее губам, и как она со словами «яблочной травки..... понюхать бы...» отворачивается к заледеневшему окну. Когда дело совсем уж худо, беспомощны и взрослые — укрепляется в них вера в молитвы и заговоры, и вот кто-то роняет: светлой, мол, ночью Аллах лучше слышит мольбы ребенка, и, совсем позабыв о твоём присутствии, чувствуя, что бабушкина смерть уже входит в дом, переговариваются полупшепотом. А ты весь еще в мире волшебных сказок, и тебе верится, так верится в силу чародейных чудес... На крыльце скрипит снег, а ты выбегаешь в одних носках, на непокрытую макушку твою таращатся с неба огромные звезды. «Не забирай мою Маму, пусть она не умирает!» — и от отчаянного твоего крика вдруг покачается и поплывет в сторону Млечный Путь — Путь Диких Гусей... Но нет, не слышат звездные небеса молящего твоего вопля.....

Помнишь?! Тем летом и яблочный твой цветок рано пожелтел, от засушливой жары затвердела, растрескалась земля — даже в ножички не поиграть; и на лугах — ни травинки на корм скотине. Когда приходил твой черед пасти, из сил выбивался, сгоняя в стадо разбретающийся скот. В тот день ты сидел совсем измученный, двинуться не мог, вернувшись «из пастухов»... И чего ради матери твоей не оказалось дома, чего ради попросила она соседку подоить вашу корову? И зачем соседка, — нет чтоб самой, — перепоручила это дело своей дочке, твоей ровеснице? Ваша корова и так с характером, а как почует чужую руку, так становится еще норовистой: вот она уж и с места сошла, и большое белое ведро опрокинулось, покатило в сторону. Соседская девчонка, испугавшись, поднимает ведро и будто бы что-то говорит тебе при этом, а ты смотришь на ее блестящие глаза, на огорченно поджатые красивые губы, и вроде и не доходят до тебя ее слова, словно пригвоздили тебя к лестничной ступеньке; а буренка в это время, как ошалелая, повернулась к ведру, грозно тряхнула головой — вы и моргнуть не успели, и девочка вдруг охнула и закрыла руками лицо.....

С того дня, даже когда она смеялась, ее единственный глаз уже не искрился смешинками и будто в самую глубину твоей совести глядел. А во взгляде чувствовалась вечная обида... Истрескавшаяся от засухи земля, желтый-прежелтый яблочный цветок, подлая эта корова все еще являются тебе в снах, словно дают возможность исправить давнюю твою оплошность, но и сейчас — в который раз уже! — ты не можешь сдвинуться с места, что-то держит тебя и не пускает... Долго ли повторяться этой напасти?! Просыпаешься оттого, что болезненно бьется жилка на виске:

«Не запамятовал?.. Вспоминаешь?.. Помнишь?..»

Оставшиеся на теле шрамы, не истаявшие в душе образы донимают нас, людей, пульсирующими этими вопросами.

Вот так же, облетев за семьдесят пять лет неведомую часть Галактики и словно приветствуя по возвращении, обращается к Земле Хвостатая звезда. «Помнишь?..» — говорит она.

Эх, эту бы комету Галлея, шлейф ее, перекрутить назад во времени, словно магнитофонную кассету, да послушать записанную на ней музыку сфер!.. Или уж была бы она чем-нибудь вроде волшебной бобины со старой киноплёнкой! Раскрутишь ее — и смотришь себе кадры, возвращая образы, заснятые в невесть каком году!..

Не самая ли это заветная и в то же время несбыточная мечта человечества — возможность управлять стремниной Времени! Возвращать милое сердцу минувшее

время, приближать счастливое будущее... либо же удерживать эти безвозвратно тающие мгновения, которых вечно не хватает, и тем самым увековечить самый дивный и прекрасный на земле цветок — жизнь человеческую!

Не стала былью сказка о покоренном Времени. Но, несмотря на краткость своего века, постиг-таки человек безмерность собственного бытия, уверовал в то, что жить да жить его потомкам через времена и эпохи. Эта вера придала ему сил, пробудила желание беречь и поддерживать огонь в очаге жизни, возводить величественные города, открывать новые звезды и давать имена им! Вставая наперекор всеразрушающим волнам Времени, историческая память отражалась в книгах и камнях надгробий. Пласт за пластом, ступень за ступенью... И человечество нет-нет да и нисходит по этим ступеням в свое прошлое — нисходит к своему детству... «Память о детстве век удлиняет...»

А если так, то выходит, что и река Времени не так могуча, как Жизнь человека! Выходит, что люди не только горазды останавливать Времени поток, но и направлять его туда, куда им самим угодно! И верно, в памяти, во всевозможных исторических хрониках, в книгах стремнина Времени... поворачивается вспять!

Но не спешим ли мы с выводами, говоря, что Время катится назад? Ведь не поддается определению то, что ты называешь Остановленным временем... Нет! Во всех книгах, какие есть в мире, его течение устремлено только в одну сторону — от прошлого к будущему! И чем лучше книга, тем сильнее это стремление. И напор его, его мощь поверяется вовсе не тем, сколько эпох оно охватывает, а только тем, какие пласты народной жизни выносит оно на поверхность. И если хочешь тебе испытать удовольствие плыть наперекор течению, бросайся, ныряй в эти книги...

Легко сказать — плыть навстречу течению.....

Ведь вернуться в собственное прошлое — это все равно что обречь себя на самое что ни на есть суровое испытание. Да разве не замутили мы уже вконец прозрачные ключи той детской нашей души? Остались ли такими же, какими мы были когда-то, такими же прямодушными и участливыми? Позабыв какого мы роду-племени, каких отцов-матерей дети, не повесили ли часом, как это говорится, свои лапти в красный угол?

Когда-то выросшие на одной улице мальчишки и девчонки, при встрече мнемся, не находим слов, чтоб сказать друг другу, — уж не это ли называется плыть наперекор стремнине?! В деревне, дескать, голову поднять некогда, все дела и заботы. А если в городе захочется повидать земляков, есть очень простой выход — отправиться на вокзал. Уж там-то в отъезжающих в твои родные края земляках недостатка не будет.

Жалко, что нет на свете вокзалов, провожающих в детство. Встречаясь на дорогах, уводящих в те беззаботные времена, может быть, люди разных поколений, разных чинов-званий скорее нашли бы общий язык: пожилым, глядишь, больше бы досталось человеческого тепла и света, а для молодых премудрости жизни приоткрылись бы намного раньше!

Вот поэтому мне и кажется, что в книгах, возвращающих нас в детство, в юность, таится очень большая загадка.

Когда, в какой миг жизни обращается писатель к этой своей главной книге? Какие силы побуждают его, взяв в руки перо, пролить на бумагу свет самых дорогих, самых сокровенных своих воспоминаний? Уж не притяжение ли Солнца или Луны влияет на него, уж не оказывают ли воздействие магнитные бури, а может быть, вдруг увидев во сне свои детские годы, родителей еще молодыми, садится он за написание такой книги?

Иногда сами писатели как будто бы немного приоткрывают завесу над этой тайной.....

«Далеко, очень далеко находился я от нашей деревни... Голова шла кругом, так сильны были впечатления,— в какой-то миг даже стал забываться, терял самоощущение... Но почему-то именно в одно из таких мгновений сердце мое вдруг забилося, заныло и ...захотелось мне податься напрямиком в нашу деревню, повстречаться с земляками и

всласть поговорить с ними...» Это кумир татарского читателя Мухаммет Магдеев, так начинается его возвращение в детство, «где гнездятся журавли».

«Откуда я — кто я? Отчего это... все тянуло меня, пройдя вспять через десятилетия, снова вспомнить годы своего детства и отрочества. Наконец, получив благословение, вышел я в эту дальнюю дорогу», — неспешно приступает к своей «Последней книге» Амирхан Еники.

Впрочем, иногда в названиях книг уже обозначена их конкретная направленность, обнажена сокровенность замысла: «Мы в детстве» и «Взросление» (Мирсай Амир), «В гостях у мальчишеской поры» (Ибрагим Гази) и «Когда мы росли» (Гариф Губай)... А также «Глядя на текущие воды» (Шайхи Маннур) и «Родимый край — зеленая моя колыбель» (Гумар Баширов), «Мои окна» (Фатих Хусни) и «Дорога в судьбу» (Наби Даули)... Наконец выходим на «Земляничные поляны» Рафаила Тухватуллина... Не так уж бедна, как выясняется, татарская литература на автобиографические произведения. И каждое произведение по-своему оправдывает свое название. Однако есть название, которое, кажется, объединяет их все, и это уже упомянутая «Последняя книга». Загадка, на мой взгляд, лежит как раз в этом самом понятии «последней книги».

Мудрость писателя, философское постижение бытия, предельная сжатость многообразного и широкого смысла, вложенного им в простое, но способное заставить читателя вздрогнуть название, понимаются не тотчас, а лишь с течением времени. Каждый воспринимает его по-своему, и каждый по-своему прав... Мне же единственно верным и приемлемым представляется такой смысл: беспредельная потребность человека оставаться совестливым перед своим временем в той же степени, как и перед грядущим!

Но достижение этой последней степени совестливости и оказывается самым трудным. Некий автор правдиво излагает наиболее личностные, драматические, оказавшие влияние на все его дальнейшее существование события начала своей жизни, имевшие место «между двумя улицами», подвергает их собственному суду, однако — что же поделаешь, все мы люди! — нет-нет да замечаешь, что в том или ином случае он старается все же выставить себя в лучшем свете по сравнению с общей беспристрастностью своего отношения к прошлому. Просматривается его желание наделить любимого героя более удобным углом зрения, чем тот, которым он мог обладать в настоящей жизни... Нет сомнения — душа автора преисполнена желанием добра, сожалением и тоской по минувшему, но все же... Недостает в нем отваги распахнуть душу настежь. Осторожничает, словно опасаясь, что и легкая тень прошлого может осложнить его сегодняшнее положение... Да уж, нелегко плыть против течения! Что тут скажешь — жаль. Велика эта потеря. И однако можно простить автору то, что он не смог до конца утаить от читателя мягкость и ранимость своей души. Это ведь тоже своеобразное обнажение так долго скрываемой от нас жестокой реальности нашего общего бытия!

Говоря о высшей степени откровенности, мы, пожалуй, не удержимся от того, чтобы не вспомнить наряду с «Последней книгой» и другое название — «Последний поклон». Сразу бросается в глаза их смысловая похожесть. Но пока мы еще имеем право предположить некую случайность совпадения. Название «Последний поклон» на татарский язык перевели как «Взаимное прощение» («Бәхилләшү»), и это, по-видимому, адекватный перевод. Книга эта выходила частями в продолжение двадцати лет; думается, что и сам Виктор Астафьев не случайно в одном из интервью назвал ее своей «самой главной книгой». Отметим созвучность «Последней книги» и «Последнего поклона» и с этой точки зрения; не оставим без внимания и существенное обогащение самого понятия «последней книги». Но и это еще не самое важное.....

В том же интервью Виктор Астафьев поведал, как и зачем писал он свою «самую главную книгу». Насколько помнится, суть была такова. То ли в гости, то ли по делу писатель приехал в родную деревню. Там он случайно встретился с незнакомой приезжей девушкой. Они разговорились, и писатель с удивлением заметил, что девушка так и норовит обидеть местных деревенских жителей, уличая их в каких-то неслыханных

прегрешениях! А наш писатель, хоть и больно задела его эта неожиданная напраслина, как-то ступевался и не нашел слов в защиту односельчан. И эта внезапно накотившая немота, неспособность остановить ядовитое злоречие «обличительницы» мучает его, не дает ему покоя... К тому же в последние годы прибавилось тех, кто, подобно этой девице, усердно плевали в собственный колодец и уличали деревенских жителей в одичалости и извечной темноте и невежественности... Оставалось одно — взять в руки перо и, ничего не выдумывая, описать людей под их настоящими именами... Надо же, в самом деле, рассказать всему белому свету, каковы твои односельчане! Пусть прозреет мир, пусть заметит он наконец неброский, но добрый свет души простых людей, которые из поколения в поколение, порой сгибаясь в три погибели, тянут воз этой самой жизни!

Вот так, «в отместку» некоей девице, и начал создаваться «Последний поклон».

В этом событии самое, на мой взгляд, примечательное — это обращение писателя к самому что ни на есть крайнему средству. Это ведь его последний довод — опора на донельзя знакомых, непридуманных людей, отважная попытка показать их настоящую, а не сочиненную жизнь. Попросту говоря, попытка назвать вещи своими именами. Это, как мне кажется, и есть высшее назначение Последних книг, обращенных в минувшее, в детство, в самые ранние годы жизни человека. И если татарские селяне, по сию пору с благоговением относящиеся к книгам, читая о событиях, происходивших в далекой сибирской деревне, воспринимают их как изложение собственной несладкой жизни, долг писателя можно считать отданным сполна.

В этом смысле и те детские впечатления, что сохранены в произведениях, подобных повестям «Родимый край — зеленая моя колыбель» (Г. Баширов), «Мы — дети сорок первого года» (М. Магдеев), поднимаются именно до такой, всемирной значимости! Не была бы без них полной все еще разрозненная и тщательно скрываема все эти годы историческая правда о войне. Запечатлевшие жизнь целого поколения, вставшие на защиту правды «солдат без шинелей», изнемогавших от работы в тылу, эти произведения заняли достойное место рядом с самыми серьезными книгами, полными «окопной» правды.

Конечно же, правда не может быть двойкой и зависеть от того, идет ли речь о фронте или тыле, мирных годах или военной страде. Жизнь, которая постоянно представлялась нам, да часто и на самом деле проходила в недружественном окружении, во внушаемой всем «бескомпромиссности» вечной борьбы с реальным и воображаемым врагом, как бы то ни было, научила нас следовать древней татарской поговорке: «Даже если рот полон крови — на людях не сплевывай». Живет во всех нас этакая «генетическая бдительность», не позволяющая раскрыть душу перед чужими. Это бы ладно, когда бы та же самая бдительность не проявлялась в доносах на собственных друзей и родственников, не говоря уже о «чужих»; если бы ради сохранности неведомой «государственной тайны» не насилывалась, не подменялась наглой ложью исстрадавшаяся в наших душах истина. Чего-чего, а поучительности хватает в нашем прошлом с лихвой.....

Известна и гибельность полуправды. Наше общество, мучительно прозревая относительно своего настоящего лица, до сих пор задыхающееся от просящейся на язык лжи, словно бы остановилось на перепутье, не веря ни себе, ни новым путям, открывшимся перед ним. Жизнь, наконец, предъявила нам счет, и оказался он непомерно высоким. Многие растерялись, некоторые замолчали, нашлись и такие, кто пробует приложить к совершенно новым временам испытанную лживым пафосом застоя ремесленную методику.

В стремлении разрешить высосанные из пальца «конфликты», в тщетных потугах осмыслить время с помощью обветшавшей философии мы переполнили свои книги душевной атмосферой фальшивой безжизненности, похожей на живую жизнь не более, чем плакатный здоровяк с бессмысленной приклеенной улыбкой на крестьянина или рабочего. Проходили годы, и усиливалась тоска по живой, подлинной прозе. Возникла тяга к документальной прозе, к документальной истории... И вдруг... писатели принялись один

за другим «уходить» в собственные детство и юность. С появлением на литературной сцене все большего числа автобиографических сочинений к ним наконец проснулся интерес критики. Разве можно расценивать это как случайное явление?

Разумеется, соблазн оглянуться на пройденный путь и ностальгия по минувшему присущи людям от природы: «В тоске по детству весь свой век живет поэт...» Словно вырываясь из глубин подсознания, «охватывает душу вихрь воспоминаний... И дергает за нить уже когда застывшие струны, извлекая неожиданные созвучия...» (Р. Тухватуллин. «Земляничные поляны»).

Однако и на земляничных полянах детства настагает, порой пугая нас, звучание Времени: «С попутным ветром слышнее: передают последние известия. Над полянами гремят мировые события. Слишком беспокойны, слишком сомнительны эти вести». А ведь «не думал я, что все так обернется. Всего лишь взглянуть на вас, всего лишь повидаться с вами приходил я, поляны моего детства!» — сетует писатель, неожиданно осознав, чем обернулось это его невинное желание.....

Но разве только эта ностальгия возвращает человека в детство? Давайте перечитаем «Любовь и ненависть» Аяза Гилязова, заглянем в его книгу «Весенние караваны». Это суровые и в то же время светлые произведения. Книжки, написанные в стремлении создать картину Времени наиболее впечатляющими и яркими красками, сохраненными памятью, продиктованные желанием поведать людям о том, как чутко ловит импульсы этого Времени самый удивительный и чувствительный прибор — детская душа. Мы видим в этих книжках серьезную попытку писателя показать окружающий мир в его наиболее существенных и тонких взаимосвязях. Писатель надеется, что ему удастся-таки «поверить алгеброй» гармонию бытия, прячущуюся или нарочито скрывающуюся в дисгармонии бытия.

Постижение сложных перипетий жизни, ее неимоверной непредсказуемости глазами ребенка или подростка — что это, наивная вера в целостность детского взгляда на мир или литературный прием? Может быть, и второе. Во всяком случае, такой прием не является самоцелью. Здесь задача писателя совершенно определена — научить людей смотреть на жизнь широко открытыми глазами... Конечно, цель эта сама по себе труднодостижима — мне уже слышится язвительный вопрос: «Ну и что, научил писатель людей или нет?» Я бы не стал ввязываться в подобный спор, ибо, с моей точки зрения, уже сама постановка такой высокой, далекой и благородной цели необычайно важна. Помимо этого, перечисленные выше книжки, безусловно, рождают в душах своих юных читателей незнакомые им ранее чувства, предлагают им размышления об очевидном, каковое на самом деле оказывается вовсе не очевидным; помогают им разобраться в житейских хитросплетениях и понимать людей, не набивая себе при этом шишек, хотя это, надо сказать, почти безнадежные уроки.....

Детскую литературу, по словам М. Магдеева, не составляют одни только книжки, описывающие «положительных детишек», таких идейных тимуровцев, всегда готовых «покормить цыплят или принести пару ведер воды одинокой старушке» или перевести эту старушку через дорогу, хотя ей туда и не надо. Бесспорно, и у таких повестей и рассказов не переведется свой читатель, да и незачем ему переводиться! (В конце концов, тимуровское движение — это всего лишь реализованные в специфических социалистических формах житейские поучения о помощи и уважении к старшим. Вопрос только в том, стоит ли вечные нравственные ценности подгонять под мимолетные требования времени?) Однако эти протимуровские книжки напоминают мне ситуацию, когда голодному ребенку некие взрослые с большой торжественностью и гордостью за собственную щедрость выдают ежедневно одну самолично пойманную рыбку. И это, конечно, вид благодеяния, кто бы спорил, однако разве это решает вопрос духовного голода, духовной жажды детей?! Ведь, взрослея, понемногу понимая всю сложность людских отношений, ребенку и самому хочется поймать эту рыбку, — вот тогда и встает остро вопрос о книжках, которые научат его не получать, а самостоятельно ловить рыбку в

море житейском. К сожалению, таких книг, которые учат высокому и трудному искусству жить в мире людей, не так уж и много. А необходимость в них велика.

Хвала Аллаху, откровенно безнравственных книг в нашей литературе как будто не видно. Однако много ли и таких, которые могут научить отличать нравственность от безнравственности, добро от зла? И когда, в какое мгновение забота о школе, о детях превратилась в слепую, а значит, бездуховную любовь? Не желая вникать в проблемы советской (да и постсоветской) школы, ограждая ее от критики, мы вступали в настоящую борьбу с родителями, всегда чувствующими любую косность в отношении к детям. И борьба эта была часто негромкой, невидимой, но явной и небеспричинной. Особенно когда школьная повседневность упорно ограждалась от общественности «китайской стеной» ведомственных «просвещенческих» инструкций... Стоило этой стене треснуть, как тотчас повеяло из щелей затхлым духом пресловутого застоя, неприятия стремительных изменений эпохи, приверженности к консервативным указам и откровенной, «общественно безопасной» лжи, фальши и обыкновенного вранья. Дети, находясь под стеклянным колпаком школьного присмотра, отчуждались не только от тревожащей жизни, не только от растущей скорби родной земли, но и от самого родного языка, и в результате «переступали порог настоящей жизни» в возрасте восемнадцати лет, а то и позже, не зная об этой жизни почти ничего правдивого и даже не умея объясняться со своими близкими на родном языке. А ведь в эти недавние годы о «прекрасной» школьной жизни было написано немало восторженных книг! Была ли среди них прямо назвавшая хотя бы один грубый недостаток школьного воспитания, которая, пусть и не била в колокол, но прозвонила об этом в школьный звонок? Что-то не припоминается.

Взрослеющий человек сталкивается в этой жизни не с одной только радостной стороной реальной действительности. Увы, не сосчитать в этой жизни и откровенных паразитов, и двуличных «правильных» людей, и прочие, и прочие... Зло так искусно входит в повседневность, что его часто и не различить неопытному человеку. Одно дело, если оно выражается в рюмке хмельного зелья или в угрозе бандита, но куда чаще оно незаметно проникает прямо в сердце и душу человека, уничтожая последние остатки духовности и замещая ее клубящейся тьмой безверия и стяжательства... С виду это зло привычно, а потому и малоприметно; но если нет против него иммунитета веры и благородства, быстро пожирает оно человеческие сердца. У многих ли есть этот иммунитет?

Да и с чего бы ему развиваться, этому иммунитету, то есть способности противостоять нездоровым влияниям? Была ли благоприятной для такого развития средой наша школа или семейная жизнь, ограждавшая нас от всякой болезненной реальности бытия, дабы «не поранить правдой»? Или развивали этот иммунитет книжки, в конце которых был готов устраивающий нас ответ на все вопросы, да и заканчивались эти книги практически все без исключения вполне благополучно? Какие уж там споры или нелицеприятные вопросы вообще могут возникать при постоянном чтении о положительных мальчиках и девочках... После такого «облегченного» чтения неудивительно, что мы оказались не способны одолеть литературу более весомую и серьезную, более того, мы даже не понимаем, зачем нужна такая «ранящая» нас литература. У кого теперь недостаточно ума, чтобы не идти против ветра, не плыть против течения?

Как вступают на путь жизненный юноши и девушки, совершенно не готовые к тому, что в этой настоящей жизни все по-другому, все жестче, сложнее, подлее, наконец?! Попробуем ответить на этот вопрос и выберем для этого одну из известных книг, близких нам по времени и месту, да и по национальному колориту... Например, повесть Мустая Карима «Долгое-долгое детство»... Как сельские мальчишки из его детства, переступив порог взрослой жизни, воспринимают поразительную разницу между жизнью и игрой? Впрочем, герои этой книги словно постоянно живут в некоей нейтральной полосе между детством и взрослой жизнью, между игрой и реальной действительностью. Поэтому и переход из детства в эту суровую реальность воспринимается ими как нечто естественное,

согласное законам природы, как нечто незаметное благодаря своей постепенности... Жизнь, протекающая совсем рядом с этими подростками, взрослая жизнь во всей своей привлекательности и неприглядности так часто задевает их своими суматошными крылами, что, несмотря на все детские иллюзии, хочешь не хочешь, но обнажается перед детьми совершенно явственно и порою бессовестно и бесстыдно. И ког-да она переходит всякие границы пристойности в привычной своей грубости и жестокости, тогда за своих героев-мальчишек, за свое собственное светлое детство вступается писатель и защищает его от зла чем может, а может он — только сердцем и душой, полными той самой детской чистоты мироощущения.....

Все своеобразие этой повести, на мой взгляд, и состоит в том, что писатель, стараясь отразить невероятно сложный, прекрасный и удивительный период «вступления во взрослую жизнь», не уменьшает этот мир до игрушечного размера, не принижает чаяния и надежды своих юных героев, а меряет их жизнь взрослыми критериями добра и зла, ответственности и долга. Таким образом, он не столько смотрит на мир мальчишескими глазами, сколько старается действительно вспомнить свои ощущения в эту пору жизни и не боится вложить в свое видение мира весь опыт счастья и разочарований, приобретенный на протяжении трудной, непридуманной жизни.....

А мальчишки Мухаммета Магдеева? Запоминаются они сразу, каждый по-своему неповторим. И удивительно, кажется, что по мере собирания этих мальчуганов в одну книгу, под одну обложку, они так и норовят разбежаться в разные стороны. Будь на месте Магдеева другой писатель, он бы с ног сбился, стогняя этих ребятишек под сень своего творческого замысла. Или вот «автобиографический» герой Шайхи Маннура... Его тоже невозможно удержать в поле зрения читателя — вот он среди сверстников, в их играх и заботах, вот ускользнул во взрослый мир, и мы с трудом различаем его среди взрослых, а вот — через годы — мы видим его седого, со слезами на глазах... И главным героем книги оказывается — сама жизнь, а автобиографического «я», на самом деле, почти и нет в ней! А мы этого-то и не ощущаем, хотя смотрим на все происходящее его глазами и, хотим того или не хотим, ввязываемся вместе с ним в детские игры, переживаем взрослые печали.

«Долгое-долгое детство», «Мы — дети сорок первого года» обладают такой двойной точкой зрения: с одной стороны, открытый детский взгляд на вещи; с другой стороны, мы смотрим на те же самые события и людские драмы искушенным взглядом человека, пережившего многое. Именно поэтому эти книги — «двойного адреса». Если юного читателя больше привлекает в них событийный ряд и внешняя занимательность сюжета, то более опытного читателя притягивает именно глубина чувств, душевные порывы героев, их волнения, переживания, разлад и достижение согласия.....

В старину полагали, что люди не делятся на взрослых и детей, ибо считали, что душа не имеет возраста. И в таком взгляде на вещи скрыта потрясающая по силе философия. В нем отразились и неделимость бытия, и вечная преемственность духовного опыта человечества.

Ясно, что на пустом месте не появляются книги, способные помочь нашему взрослому и обогатить нас духовно. Необходимо, чтобы и сам автор был личностью, со своим взглядом на мир, наконец, чтобы передавал он нам свой, только ему присущий опыт собственного детства.

Детские годы — это время, вобравшее в себя опыт, житейский ум и странности знакомых тебе людей, мудрость сказок и историй, в которые вплетаются радости и страдания повседневной жизни. Не они ли совершили чудесное превращение маленького Апуша в великого Тукая! Невозможно умалить значение шумящих на ветру тамбовских лесов в становлении поэзии Такташа. Нельзя отделить Хасана Туфана от «говорящей

материи» лугов его родной стороны, от Хвостатой звезды-кометы, проплывшей над его головой в небе деревни Кармят!

Опыт детства — это самая тонкая, самая сокровенная наша связь с родной землей и родным языком. Эта связь сродни ощущению горячей, раскаленной солнцем почвы или росных утренних трав под маленькими босыми ступнями, сродни щемящему счастью бытия, сжимающему невзначай детское сердце... Образы того уголка родной земли, где ты появился на свет, знакомых и близких тебе людей, сопутствовавших тебе с самого рождения, деревенские были... Все это вкуче, создавая бесценный опыт детства, на всю жизнь остается с писателем и исподволь влияет на всякую написанную им строчку, более того, на всякую его мысль, едва блеснувшую среди суеты и тревог жизни.

Скажем, не все из нас имеют возможность посетить родные места А. Гилязова, но, увидев в его книгах и Верхнее, и Нижнее село, постоянно оказываясь в гуще переживаний его земляков, вдруг понимаешь, что и сам стал уже едва ли не жителем этих мест. И сравниваешь увиденное со своим, деревенским ли, городским ли опытом и постепенно начинаешь верить, что это не чужие тебе места, что ты давно уже там свой.....

Милые сердцу виды природы — родники, переулки, заросшие гусиной травкой, лесная урема, поля, луга — сопровождают нелегкую жизнь писателя на всем ее протяжении. И совершенно внезапно на неведомой ли улице, на стекле ли незнакомого окна вдруг промелькнут, возникнут миражом видения детства, печальные и светлые его образы. Даже в исторических книгах, пронизанных суровостью вечности, присутствует чуть слышно шум ветра над высоченными деревьями детских лет твоих!

Вот читаем мы роман Нурихана Фаттаха «Свистящие стрелы»: «Весь простор земли, всю широкую степь покрывала тьма, едва заметно пронизанная белесым свечением. С небес, улыбаясь, поглядывали вниз звезды, и вдали от них сияла луна, похожая на блюдо с отколотым краем...» С чего бы писателю уподоблять луну, сверкавшую над степью двадцать два века назад, блюду? Конечно, и это могло упасть «с кончика пера»... Но так хотелось бы верить, что этот неожиданный на первый взгляд образ (обычная тарелка с отколотым краем) пришел не откуда-нибудь, а из самых сокровенных воспоминаний детства автора! Что ни говори, но ведь и писатель — ребенок, взрослый ребенок в этом мире.....

Поразительно: даже в те книги, которые не задумывались как специфически и скучно «детскими», в книги, переполненные взрослыми мыслями и страданиями, житейскими трагедиями, вдруг откуда ни возьмись забегает Дитя! И часто — подросток тринадцати-четырнадцати лет. Почему именно этого возраста? А потому что в эту пору «струны души начинают петь сами по себе, и сердце переполняется невесть откуда взявшейся музыкой! Время мечты — рвущейся куда-то, летящей, стремительной». Это — «ранняя юность, не находящая себе места, печалющаяся и радующаяся ни от чего...». Проходят годы, и на эти произведения Амирхана Еники («Курай», «Медный колокольчик») мы начинаем смотреть через призму прошедших лет... А тот мальчик, он все еще четырнадцатилетний, что ему сделается! Однако его взросление — в высшем смысле — в виде опыта и житейской науки постигается нами, читателями.

.....Невольно подслушал разговор двух пожилых женщин. Невозможно было не услышать — гомонят всюду, словно едут в автобусе одни. Перемыв косточки зятям и снохам, отведя душу, переходят, наконец, на воспоминания. И вдруг одна из женщин прервала завязавшийся было разговор:

— Стоит мне мои детские годы во сне увидеть, как весь день сердце не на месте. Хвала Аллаху, это только сон — только и скажу, как проснусь! Да чтоб они и во сне не возвращались, эти времена!

На мгновение воцаряется в автобусе тишина. Я оглядываюсь на эту женщину. Глаза женщины, не желавшей ничего помнить, вдруг вспыхивают, как угольки под порывом ветра. И в зазвучавшем голосе — совсем другая мелодия, совсем другая печаль.....

— Что ни скажи, молодость — она молодость и есть. Даже если и лапотная, в крови да слезах. Что уж там, все бы отдала, чтобы хоть на минуту вернуться туда.....

И этот разговор, словно записанный на магнитную ленту, вновь и вновь прокручиваясь в памяти, звучит в моей душе. Почему человеку хочется вернуться в свою юность? Даже в трудную, в крови и слезах, как сказала женщина?

Мы уже достаточно покрутились вокруг этого вопроса. И все же в чем загадка детства, в чем секрет его притяжения? Удалось ли нам ответить? Похоже, в пределах открытых нами законов нет на это полного и вразумительного ответа.

И все же ясно одно: тоска по детству — странное это недомогание — все чувствительней, все осознанней проявляется с течением жизни.

Утекает время, как будто удаляется от нас земля родная, и все же она становится нам ближе. Земля, на которой остались следы влажных босых ног, — земля, сжавшаяся в ожидании суровой зимы... И ощущение ее, столь бесконечно удаленной и такой щемяще близкой, вновь и вновь возвращается к человеку в беседах с самим собой, с тем, каким он был в детстве и каким навсегда остался — там... Иногда они вновь становятся одним человеком, а иногда — это совершенно разные люди, незнакомые друг другу.....

Стезя жизни — тоньше стрелы, острее лезвия меча. И, балансируя на тонкой этой стезе, боясь сорваться, слышит человек один и тот же вопрос: «Помнишь? Не забыл ли, что ты — человек?» А время торопит, подгоняет — задуматься некогда; прячет человек этот вопрос в глубине своей души и спешит дальше, вперед, куда — и сам часто не знает. Но однажды спотыкается рвущаяся в неизвестность душа, запутывается в хитростях разум, и человек вдруг останавливается, не имея ни сил, ни желания бездумно стремиться в неведомое будущее, и тут снова настагает его простой вопрос: «Не забыл ты часом, что ты — человек? Помнишь ли?»

И слышится, все время слышится нам этот вопрос в книгах для детей и подростков. Вот из этой книги словно окликает нас детство наших дедушек и бабушек. На страницах другой настагают нас вопросы из детских лет наших отцов и матерей. Интересен и бесконечен этот разговор. Мы, продолжатели их дел, их надежда на то, что уж мы-то пойдем эту жизнь глубже, нежели поняли они... Есть у нас желание, есть способность к такому постижению, и хочется, мучительно хочется нам сделать жизнь красивее, духовнее, чище, — помоги же нам, Книга! И сохранить бы нам детство — в чистоте и сокровенности его. Доказать бы, что и наша жизнь — не просто пылинка в вечной суете Вселенной.

..... А там, во Вселенной, бесконечным хвостом кометы все летит и летит вопрос: «Помнишь? Помнишь?!»

А мне слышится: «Помни!»

ПОКА НЕ ВЕРНЕШЬСЯ В ЗЕМЛЮ

И раскаялся Господь,
что создал человека на земле.....

Книга Бытия. 6 : 6

Даже и не верилось, что снова встречу ее. Ведь сколько воды утекло... Но вот она, шаркая разбитыми долгой дорогой башмаками, бормоча что-то себе под нос, поднимается на крыльцо.....

И зимой и летом Адрапи эби ходила в ярких юбках, кофтах и платках, кроме того, на ее шее всегда было несколько ниток бус, а на узловатых, скрюченных, как корни черемухи, пальцах поблескивали желтые кольца. Однако все эти «сокровища» издавали какой-то грустный звук.....

Адрапи эби шла медленно, мелкими шажками, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание, но, казалось, таким образом она исходила чуть ли не полсвета!.. Заходила к добрым людям, спрашивала о жизни и здоровье, рассказывала «заморские» новости и, спрятав гостинцы в узелок, опять исчезала на неизвестное время.

Проходил месяц-другой, и по деревне — в который раз — вновь ползли слухи. «Говорят, на дороге под Чистополем замерзла в буран...» «Заплутала, видно, бедняжка», — вздыхали старухи и молились за нее.

Но, уже оплаканная и забытая, она так же неожиданно появлялась в нашей деревне. И это случалось обычно в дни праздников или свадеб.

И то, что бабушка Адрапи жива и не забыла дорогу в наши края, радовало нас. Ее внимание как бы поднимало престиж нашей деревни! Она здоровалась со всеми — и с молодыми, и со старыми, называя каждого по имени, спрашивала об изменениях, которые произошли за время ее отсутствия, вспоминала об умерших... И все приговаривала: «Ой, заплутала я, непутевая, заплутала, видно... Не могу найти свою деревушку, не могу постучать в родимое окошко!»

Откуда она была родом, из какой деревни пошла по свету — этого никто не знал. Для нас, мальчишек, она была нашей односельчанкой, время от времени отлучающейся неизвестно куда. И самое удивительное: старушка всегда появлялась у нас через какое-то определенное время — как комета, вновь и вновь пролетающая по своей орбите... Может быть, она попутно заходила и в свою деревню, — но как в чужую, и стояла на пороге родного дома, — но как гостя?!

И всякий раз, когда я вспоминаю о «заблудившейся» во времени и пространстве, «потерявшей» свое имя вместе с верой в Бога предков старушке Аграфене-Адрапи, то мне кажется, что она бродила по свету все-таки не случайно и не бесцельно: она являлась живым укором для многих из нас, потерявших связь с родными корнями, позабывших родной дом... И таких не один, не два человека, а целые народы, утратившие свою историю, религию, имя и язык... И самое страшное, блуждают они по свету, не чувствуя, что лишились одного из самых ценных человеческих качеств — памяти.

Но все же корни человека нелегко обрубить. В какое-то мгновение что-то вдруг просыпается в нем и не дает покоя, тогда человек возвращается в свой родимый край, пытается отыскать могилу предков.....

Так же нелегко вернуть «отбитую» память. Порой никто не может вызволить человека из этой тьмы, даже родная мать! Манкурт не узнает ее и убивает (Чингиз Айтматов. «И дольше века длится день»). В этот миг с головы матери падает белый платок и превращается в белокрылую птицу. Улетая, она кричит: «Вспомни: кто ты? Чей ты сын? Как имя твое?!»

Я ни в коем случае не приравниваю манкурта к Адрапи эби. Но они — два полюса одного явления.....

Современный манкуртизм — явление более изощренное, многоликое, чем это представляется традиционно. Сын умирающей Ак эби, отставной солдафон, утешает ее: «Ну, ничего, ничего, ты только панике не поддавайся» (А. Еники. «Невысказанное завещание»). В повести В. Распутина «Последний срок» дети старой Анны насмеются: «Замучила уже своими разговорами о смерти!» И она со слезами на глазах стонет: «Сегодня же умру. Вот увидите... Подождите немного. Ничего мне больше не надо!..» Вот так и сегодня еще манкурты убивают своих матерей, и плюют в лицо своего народа, Родины.....

«Невысказанное завещание» А. Еники, «Белое платье матери» Ш. Хусаинова, «В пятницу вечером» А. Гилязова — это не только обличение сыновей с короткой памятью, но и своеобразная ода безмерной материнской любви. В неповторимых сюжетах авторы прощупывают сокровенные связи человека с окружающим миром, с необратимым потоком Времени. Светлые мгновения детства, тепло материнской шершавой руки,

таинственный момент смерти — и чувствуешь, как все сильнее бьет волна Времени о берега Вечности.....

«Memento mori» («Помни о смерти!») — кажется, мудрость древних обращена именно к нам, живущим в начале XXI столетия, погрязшим в суете, в бесконечных бытовых неурядицах, и имеющим наивную — «чтобы все было как у людей!» — земную мечту. В погоне за сиюминутным счастьем мы забываем о течении времени, теряем связь с космосом — не верим в бессмертие души.....

Помни о смерти! Но для многих смерть это что-то вроде «досадной неприятности», некстати вмешивающейся в повседневное бытие и обрывающей «архиважные» дела. «Лишние» хлопоты вызывают смерть Ак эби (А. Еники. «Невысказанное завещание») и Казангапа (Ч. Айтматов. «Буранный полустанок»). Их близким все равно, где и как похоронят они отца или мать — лишь бы не далеко было ходить и быстрее вернуться, отдав формальные почести... Как говорит старик Едигей: «Что для них смерть? Ничто! И, значит, цена жизни тоже ничто!» («Буранный полустанок».)

Наши предки, «опьяненные опиумом религии», знали одну простую истину: заботы о погребении — это скорее утешение живым, чем помощь мертвым. Возвращая в лоно земли усопшего односельчанина, кто-то из аксакалов тихо, как бы про себя вопрошает:

— Нинди кеше иде? (Каким он был?..)

Ему в ответ так же тихо, одними губами отвечают — словно на свежую могилу легким шорохом сыплется сухая земля:

— Яхшы кеше иде... (Хорошим был человеком...)

Завершившему земной путь рабу божьему такая вот заключительная оценка: короткая, ясная, весома. Годы пройдут — и над его могилой будет шуметь одинокая береза-память, как бы вновь и вновь возвращая его в мир живых.

И именно эта сила — сила Памяти — держала на привычной орбите мою «заплутавшую» Адрапи эби, заставляла ее вновь и вновь стучаться в знакомые двери, превратила ее нелегкий путь в бесконечный поиск своего начала, а может быть, и сути своего бытия. Не дай Всевышний и нам сойти с этой орбиты, «доколе не возвратимся в землю, из которой мы взяты...».

ГЛУБИНУ КОРНЕЙ ЧУВСТВУЮТ ЛИСТЬЯ

Если взглянуть на карту, кажется, что это рядом, а на самом деле, пока доехали до одной из татарских деревень, граничащей с марийскими, день уже клонился к вечеру. До цели оставалось каких-то пять-шесть километров, когда вдруг забарахлил мотор, и мы вынуждены были остановиться у небольшого ручья.

— Было здесь когда-то русское село... несколько лет тому назад последнего старика увезли, — грустно заметил один из моих спутников.

— Да, долго он здесь со своей старухой жил, — сказал водитель, — не хотел никуда уезжать, но как только старуха умерла, сын его в город увез... А тут, где мы стоим, дома были, а вон там — улица.....

Я отошел в сторонку, осмотрелся. Все вокруг заросло высокой травой. Безмолвие вечерней дымкой застило пустырь. И вдруг в этих летних сумерках мне померещилось, будто бы до сих пор живо это село, только какое-то злое колдовство сделало его невидимым для человеческого глаза!

Вот слышны шаги и голоса двух стариков, скрипнула калитка, твякнула собака... А за околицей, у кладбища, заблеяла отбившаяся от стада овца.

— Как называлось село? — спросил я у шофера.

— Надеждино... Это было очень красивое село!

Надеждино..... Надежда! Может быть, так звали дочь или любимую девушку того, кто забил в эту землю первый колышек, а может, люди, которые пришли сюда, чтобы жить и строить новую жизнь, решили в названии закрепить свои благие намерения?!

Грустно теперь произносить это название.....

Я вдруг обратил внимание на то, что среди развалин деревни не было столь привычного, казалось бы, для русской деревни строения — церкви... «Странно,— подумал я,— что за деревня без Бога?!»

— А как называется та речка? — все донимал я шофера своими вопросами.

— А черт ее знает! Без названия она, кажется.....

И мне стало ясно, почему исчезла, вымерла эта деревушка. Не было у ее жителей настоящих корней на этой земле, они просто оказались здесь как перекасти-поле, вот и ушли навсегда!

Когда садились в машину, один из моих спутников заметил:

— В этих краях встречается довольно много странных названий деревень, есть даже — Никкучтек.

Я представил себе тех, кто пожалел о своем переезде: вот стоят они, опустив от бессилия руки,— усталые, разочарованные и злые. Но отрезанный ломоть к хлебу не приставишь. И в селениях этих наверняка не увидишь ни цветов, украшающих подоконники, ни улыбок, освещающих лица людей...

Все это я вспомнил, когда оказался на родине Тукая... А ведь поездка в Кырлай, на родину поэта, всегда освящена ожиданием чуда, встречи с чем-то необычным... Я помню, в детстве у меня часто появлялись подобные ощущения.

Попьешь воды из родника около этой деревни, и кажется, что вкус ее не изменился с тех пор! И чувствуешь, как вместе с холодной водицей впитываешь чувство гордости и неодолимое желание быть лучше и чище оттого, что тебе вдруг посчастливилось припасть вместе с Поэтом к одному источнику.....

Я и мои спутники блуждали по деревенским улицам, по окрестностям с единственным желанием — найти живых свидетелей, современников Тукая. Конечно, мы не были так наивны, чтобы надеяться увидеть какого-нибудь древнего старичка или старушку, помнивших поэта... Представляете, если вдруг столкнуться со столетним чудачком, утверждающим, что вот здесь, у пруда, он вместе с Апушем повстречал водяную!!!

Но что самое удивительное — «современников», помнящих Тукая, мы все же нашли... Это была петляющая тропинка, по которой бегал маленький мальчик — будущий поэт; снежная гора, на котором резвились деревенские ребяташки, среди которых был и Габдулла; речка и плакучие ивы на берегу.....

Какое счастье, что еще есть этот дивный уголок, согревающий нас своим теплом.

Мы трепетно храним в своей памяти запахи, звуки и краски детства. И ни в каких концертных залах не услышишь «симфонии» леса из далекого детства — качающегося под ветром, переливающегося невероятными красками в солнечных лучах, звенящего от пения пробудившихся птиц. И я пожелал бы всем такого счастья... Ведь каждому должны быть близки и понятны слова Тукая: «Каждый цветок тебе — сестра, и брат — дерево». И если ты понимаешь это, то сколько бы времени ни прошло, в каких бы перипетиях жизни ты ни оказывался, твой родной очаг, твой дом всегда будут тебе опорой и никакими силами не разорвать эту связь! И поэтому, наверное, в одно и то же время — весной — просыпаются и Природа, и Человек. И именно тогда Человек способен совершить самые яркие поступки в своей жизни.

Помнится, мы, дети, каждой весной любовались пышным цветением «вербных барашек». Называли их в народе «таллитут»ами. Оказывается, такого слова сегодня уже никто не употребляет в моей деревне, и его нет даже в диалектологических словарях. А жаль! Так наш язык по крупицам теряет свою прелесть, обиднее всего, и ту самую связь с Матушкой-природой! Может быть, в этом и наша ошибка — не передали подрастающему

поколению это красивое слово, а возможно, оно бы и не прижилось, и каждое поколение будет находить новое обозначение этим самым «вербным барашкам»?!

Порой, вспоминая детство, я переживаю те же самые чувства, которые переживал когда-то, глядя на сверкающий молниями небосклон, любуясь яркой луной, серебристой поверхностью ночной реки или восходом солнца... Мне кажется, к этому нельзя привыкнуть, ведь есть в явлениях природы какая-то волшебная сила, своя поэзия, зовущая нас к прекрасному!

Если взглядеться, то станет ясно, что и паучок, застывший в куске янтаря, и слепок крыла древней птицы на камне — все это закодированные знаки, которые подает нам сама Природа!

Согласитесь, часто мы произносим слова, не вдумываясь в их исконный смысл, вложенный в них нашими далекими предками и многое объясняющий и показывающий нам мир их глазами!

Мы говорим «нарат» и не подозреваем, что это слово у предков обозначало «солнечное дерево». Единение с природой начинается вот с таких малых точек соприкосновений. Способность чувствовать язык предметов и понимать их значительно облегчило бы нашу жизнь, ведь это не что иное, как стремление предков передать нам свой опыт, мироощущение... Может быть, именно здесь таится разгадка многих земных и космических тайн и панацея от многих неизлечимых болезней?!

Хасан Туфан писал, что в природе все живое — и звезды, и ветра, и родники! Но чувствуем ли мы это или все же относимся к ним, как к неодушевленным предметам?

Жаль, что мы потихоньку начали забывать свой эпос, богатейшие народные традиции, поверья и наблюдения за явлениями природы. Как говорил Тукай: «Что поделатъ, такова судьба, народ наш ох как темен!»

Существует извечное противоречие, свойственное человеку: хоть руки и творят осознанное или неосознанное зло по отношению к природе, сердце все же ищет гармонию и тянется к ней! Лучшие из литературных произведений показывают человека как глубоко противоречивую натуру, в которой происходит вечная борьба добра и зла. Но в то же время вряд ли удастся раскрыть характер героя, если «вы-членишь» его из природы и рассматривать обособленно.

Сюжет произведения Хисама Камалова «Почему у кролика красные глаза?» прост. Живут в деревне отец с сыном. Отец разводит кроликов и сдает в лабораторию, где из их крови готовят лекарство. Куда папа уносит кроликов — об этом прекрасно знает сын, и в начале повествования он довольно равнодушен к их судьбе. Но с каждым днем в его маленьком сердце зреет жалость к этим невинным созданиям. Вскоре мальчик становится случайным свидетелем того, как у кроликов берут кровь. В ту же ночь он совершает отчаянный поступок.....

В таких же гуманистических традициях написана и повесть «Алмачуар» («Серый в яблоках») Галимджана Ибрагимова. Здесь во взаимоотношении человека с природой постепенно, очень тонко раскрывается характер героя. Войдя в глубокий конфликт с природой, человек, сам того не ведая, губит свою душу, свой внутренний мир.

Вот один из тех вопросов, которые интересуют критиков: как отражаются в человеческой душе противоречия нашего столь непростого времени? Произведения современных авторов дают нам на это вполне исчерпывающий ответ. Например, для прозаика Фаузии Байрамовой характерен интерес к беспокойным, мечущимся героям. Ее произведения — это прежде всего опора для людей, обессилевших в сумасшедшей гонке времени, переживших крах иллюзий.....

К ошибкам и трагедиям человека и сама природа, кажется, не равнодушна... Хочется в это верить, ведь говорят, что ссоры в семье тяжелее всех переживает собака! Природе в художественном произведении нельзя отводить лишь эпизодическую роль «пейзажа»,

своеобразной «прокладки» между диалогами и действиями, так сказать, для разнообразия. Природа напрямую участвует в судьбах героев, задает направление их поступкам. Благодаря этому и рождается художественное правдоподобие сюжета, его логическая последовательность, реальность.....

В такой всеобъемлющей и многогранной теме природы, наверное, трудно будет обойти вниманием весьма излюбленный среди писателей образ волка. По отношению к этому зверю даже образовалось среди писателей два лагеря. Одни — сторонники «дикого волка», другие — так называемого «клейменого волка», иными словами — одомашненного. Кто-то воспеваает красоту и свободу своенравного дикого зверя, подспудно изобличая жестокое отношение человека к нему, кто-то поет оду Человеку, укрощающему природу и подчиняющему ее своим прихотям. Но, тем не менее, большинство сходится в том, что одомашненный волк (пусть он теперь сыт, но ценой своей свободы!) жалок, как поработанный человек, смилившийся со своей участью. Некоторые писатели идут дальше, связывая с этим образом размышления о продолжении рода и национальном возрождении народа.

В известном романе Чингиза Айтматова мать-волчица выкрала «двуногого волчонка» — сына героя. Отец мальчика, преследуя ее, выстрелил из ружья, но попал в сына, которого она несла в зубах! Это глубоко символический эпизод — отец, стреляющий в «природу», по сути дела, убивает себя и свое будущее!

Нарушение связи человека с природой, его желание во что бы то ни стало обрести независимость (от кого?!) уже сегодня приносит нам свои горькие плоды. Люди покидают свои родные места, уходят в города, — «миграция населения из бесперспективных деревень!» Мы как бы сняли с себя всякую ответственность, махнули на это рукой... Таким же образом, видимо, появились и «бесперспективные языки!» Иногда мне кажется, будто мы, как крысы, убегаем с тонущего корабля. А ведь корабль этот — наш дом, наши традиции, наша религия, наш язык.....

В русских словах «родина», «природа», «родник», «род» — общий корень. Как это часто бывает, у слов память оказывается длиннее, чем у человека!

Все в нашей жизни соединено одной логической нитью, без которой жизнь рассыпается, распадается на множество «инородных» кусочков.

В поэзии Иосифа Бродского есть удивительные по своей глубине и точности строки:

Вспомни размер зверей
в плейстоценовой чаще: мы только части
крупного целого, из кого вьется нить
к нам, как шнур телефона, от динозавра.....

Вот этого родства и не видно во многих наших книгах. Исковерканный, к сожалению, обездушенный серый язык, серые образы, серые чувства. Такое ощущение, будто наши писатели описывают свою родную землю порой разглядывая ее аж из космоса, ничего не видя из-за облаков и ничего не чувствуя!

Тема природы настолько актуальна и глобальна, что охватывает и более узкие темы и детали. Как сказал поэт, «поверхность океанов не закрыта»... Все исходит из этого океана, и все вбирает в себя океан! Во многих татарских мифах присутствуют таинственные образы моря-океана или горы Каф (Кавказ), видимо, как колыбели всего человечества. А в байтах-былинах нередко повествуется о том, как люди (или их души) превращаются в птиц (Сак и Сок, например). Случайно ли это? Может быть, просто красивая сказка — мечта о горных вершинах и морских просторах? Или в памяти остались пейзажи прародины наших предков?

Моя бабушка говорила, что некоторые люди происходят от собак, а другие от кошек, первые — злые, вторые — лстивые... Так оригинально народ пытался объяснить сложные, противоречивые характеры людей, так прослеживаются глубинные связи между всеми живыми существами Земли.

И как бы мы ни старались покорять природу своим бездумным галопирующим прогрессом, ничего у нас не получается, мы все так же, как и наш далекий предок неандерталец, зависим от лунных циклов, затмений и магнитных бурь.....

Иногда в печати мелькают довольно любопытные факты. Так, например, ученые-лингвисты обнаружили поразительные совпадения между языками некоторых племен американских индейцев и языками тюркских народов! Что это, очередная необоснованная сенсация? Нет, как теперь уже доказано многими исследованиями, миграция народов существовала во все времена, и океан не являлся преградой, а наоборот, морские течения, словно морские скоростные дороги, соединяли континенты!

Но вот что самое удивительное — целые народы покидали насиженные места, уходили на юг, на север, исчезали, растворялись в небытии, на их место приходили другие, с иными традициями, укладом жизни, языком... Все менялось с приходом новых хозяев, а вот названия рек, гор, озер оставались прежними!

У каждого из нас, наверное, хранятся в памяти как самое дорогое, озаряющее своим светом всю нашу жизнь, близкие сердцу названия — родной деревушки, улицы, не приметного ручья или большой реки... Волга-Идель, Кама-Чулман, Вятка-Нукрат, Свяга-Зэя, Белая-Агидель... Ведь неспроста солдаты, дошедшие до рейхстага, написали на его стенах под своими именами названия родных деревень и городов!

По традиции некоторые поэты название своей родной деревни использовали в качестве фамилии. Из Каргалей родом был Абельманих Каргалый, из Старых Кандалов — Габдельжаббар Кандалий... Так прославили свои родные места и тюркские поэты, творившие в городах средних веков — Хорезми, Сарай... Это не только желание «опереться» на родную землю, постоянно ощущать связь с отчим домом, но и чувство огромной ответственности перед ними.

Имена людей, дошедшие до нас сквозь бури времен и не канувшие в Лету, заставляют задуматься. Но бывает и так, что имя остается, а его истинный смысл теряется.

Около моей деревни были Болан сазы (Оленье болото) и Торна күле (Журавлиное озеро)... Сухое русло реки с громким названием Тирэн елга (Глубокая река) и Таллитутувый пруд... Жив ли наш старый мельник Талгат-Таллитут абзый, мельница которого стояла на этом пруду? Выходит ли кто-нибудь на мою деревенскую улицу в тихие летние вечера, слушает ли, как журчит вода, вытекающая из пруда, видит ли, как плывут звезды в темно-голубой воде?

Нет теперь там ни оленей, ни журавлей, болото «мелиорачено», да и озеро, поди, давным-давно заросло тиной... А мельницу на пруду сломали. И осталась она только в моих снах, которые будто прилетают ко мне из далекого детства... Скрипит мельница, поет свою печальную песню!

Кому, интересно, теперь снится деревня Надеждино? Живы ли те, кто помнит ее плакучие ивы, заросшее кладбище, извилистый ручей?

Может быть, кто-нибудь спросит мальчонку, того самого, которому привелось последним родиться в этой умирающей деревне:

— А как называется речка у твоей деревни?

Малец недоуменно пожмет плечами и скажет:

— Так и называется — Речка!

Просто так и называется, как обделенный человеческой теплотой теплый комочек неизвестной породы, — живи теперь, и имя тебе — щенок!

Мне искренне жаль этого где-то наверняка живущего человечка. Что согреет тебя на старости лет? Что будет снится тебе? И чье имя ты будешь шептать в забвении?

ВЕЧЕРНИЕ ПТИЦЫ

«В душе настоящего мужчины — оседланный конь»,— гласит мудрая татарская поговорка. И если душа настоящего поэта преисполнена сострадания и любви к людям, если вечным видением хранится в ней образ светлоокой возлюбленной или переполняет его сердце сила, устремленная творить прекрасное, тогда поэт живет,— он есть, он существует и, независимо от того, сколько книг он написал, выполняет свое предназначение на земле. И для нас ощущение настойчивого биения его сердца, облеченного в ритмы и слова,— это существенная духовная потребность, а не только одна из главных необходимостей немилосердной нашей жизни.

Прислушаемся к голосу поэта:

Все плывут и плывут облака
На закат, где мой дом и родные.
Там, в окно постучавшись слегка,
Что расскажут им капли скупые?
Не мочи меня, дождик, тайком,
Не шепчи про подметку худую:
Я пришел в этот мир босиком,
Не беда, если так же уйду я!

Х. Туфан (Пер. Р. Морана)

Восемь незамысловатых строчек. Кажется, все так обычно, что можно и не заметить. Однако как глубок и полон этот поэтический колодец! Если остановиться, заглянуть в глубину, попробовать осмыслить каждую строчку в отдельности, голова закружится! Если бы привлекала лишь внешняя форма этих стихов, если бы не волновало сердце дыхание природы-вечности, вряд ли запомнились бы они. Но здесь перед нами не слова, а человеческая судьба со своим миром чувств, выраженная столь скупым количеством слов, что они едва прикрывают боль этой судьбы.

Поистине из крика боли рождалась поразительной мелодичности и задушевности песня... Эта песня, уже не страшась никаких преград, сама начинала освещать народу путь теплом своего страдания. Она, вдохнув полной грудью ветра «столбовой дороги», пронесла этот свет сквозь «дремучие леса» народного бытия... Богата ее история: пласт за пластом складывалась могучая основа нашей поэзии, которая должна стать образцом для самоуверенной современности, удерживая поэтов от легковесности, ибо она, хоть и стоит на гранитном фундаменте, может быть сметена даже не землетрясением, но сравнительно сильным ветром разбушевавшейся вновь истории.....

Народное творчество — это неиссякаемый кладезь мудрости, гармонии и богатства языка, вечный хранитель духовной мощи народа. И как иначе постичь себя, если не глядеться в таинственное зеркало истории? Однако увидеть ее, истории, правдивое отражение, извлечь из этого уроки — задача не из легких.....

Но все попытки понять современность через прошлое (надо сказать, целенаправленно искаженное прошлое) начались в татарской литературе где-то на рубеже семидесятых годов прошлого века... Это было стремлением к очищению истории от толстых наслоений лжи, под тяжестью которых сгибалось не одно поколение народа. Так возникли произведения, навеянные давним и близким прошлым, среди которых «Родимый край — зеленая моя колыбель» (Г. Баширов), «Итиль-река течет» (Н. Фаттах), «Дочь Волги» (Г. Ахунов), а затем «Кубрат-хан» (М. Хабибуллин), «Сююмбике» (Р. Батулла) и другие. Мне кажется, что дорогу этим произведениям открыли все-таки поэты — М. Джалиль, Н. Исанбет, С. Баттал, С. Хаким...

Творчество фронтовых поэтов вернуло нам понятия чести, совести, благородства, нравственности и душевной чистоты... Не с их ли стихов начали мы всерьез задумываться о высоком смысле жизни, никак не укладываемом в самые звонкие лозунги и продуманные кодексы? Право на совесть вернуло нам и право на память. И память не сразу, но стала выводить нас на путь гармонии с миром.....

Ощущение этой гармонии, возможности более высоких степеней совершенства ведет к возникновению и более глубокой и многосложной образности, к обогащению духовного

мира самого поэта, к новым открытиям, но также и к новым поражениям. Начинает звучать и ностальгическая нота по утраченной картине мира, нота скорби, не разрушающая, а созидающая новый лад, новый строй современной татарской поэзии.

Один из ярких представителей фронтового поколения Сибгат Хаким явил собой образ поэта, которому равно близки и тревоги настоящего, и боль минувшего. Сквозь разрывы снарядов и свинцовый ад Курской Дуги долетели до нас чарующие звуки его лирической поэзии. В последние годы жизни поэт все чаще обращался к знаковым явлениям и приметам, видя в них бессмертие народа яснее и отчетливей, чем во всех им же воспетых громадах современности... Случайно ли тогда его «собеседниками» стали Тукай и Кул Гали... И высокий строй мыслей поздних стихов Сибгата Хакима до сих пор определяет одну из высоких точек современной татарской поэзии. И необходимо вчитаться в них, чтобы понять, к какому итогу пришел в конце своего жизненного пути мудрый аксакал, что он нам завещал.....

Увижу ли я, как пообреет
этот жестокосердный мир?

Каждый раз даже искушенный читатель находит в стихах С. Хакима нечто новое, неизведанное. Поэзия живет в весьма простых строчках, от которых тем не менее перехватывает дыхание и начинает учащеннее биться сердце. Такое творчество — настоящая школа для начинающих поэтов.

Ведь не секрет, что в последние годы и проза и поэзия стали не на шутку засоряться припудренной слегка графоманией и поддельностью. Столько соблазнов возникло вокруг! Но и тут истинные литераторы старшего поколения не поддались сиюминутным искушениям, оставаясь верными своему собственному камертону — чистоте и свету душевного страдания, оно же — сострадание собственному народу. Кроме С. Хакима, Х. Туфана, я имею в виду творчество А. Еники и Г. Баширова. Как это им удавалось? Может быть, они очень верили в силу своего таланта и в себя? Или были слишком преданы старым традициям татарской литературы? Однако при всем этом нельзя сказать, чтобы они пребывали в одном, раз и навсегда «законсервированном» состоянии: они шли по новым для себя путям, и новые пути их поисков уходили корнями в реальную действительность нашей сумбурной жизни, ориентирами для которой всегда были вершины народного прошлого, негасимый свет нашей истории.

Ничто не избежит влияния времени. Вот и наши молодые поэты — они вырастают в саду поэзии, как юные деревца; но сезон за сезоном проявляются в сути их поэзии спиральные годовые кольца, и, анализируя их творчество по этим спиральям запечатленного во времени вдохновения, мы видим, кто из них в действительности доказал право на выражение собственного «я», и то, насколько глубоки незримые корни творчества того или иного поэта.

Вернемся к интересному критическому сюжету недавнего времени. Неистовое желание видеть в поэзии смену поколений вызвало к жизни понятие «дети войны», имевшее в виду поэтов, детство и юность которых пришлось на суровые годы Великой Отечественной. В творчестве этих авторов критика пыталась, и не без успеха, найти схожие черты, наивно удивляясь своеобразию и различиям мировоззрений и поэтических взглядов на мир.

Выражая непреходящую боль утраты и терзания души, они непременно связывают их с памятью сердца:

Ветер войны, отец, в моей груди
намел нетающие сугробы.....

Гарай Рахим

Или вот Рашит Ахметзянов:

Шрамы с тела

не смоешь серебряной водою.....

«Дети войны» словно бы пишут письма с дороги, или, как заметил их сверстник Радиф Гатауллин, — «Письма с середины жизни». И в этих «письмах» ощущаются преходящее время и незыблемость душевных устоев, воспитавших то поколение: постоянство — изменчивость, миг — вечность пребывают в их стихах в сложном, но необходимом единстве. Именно поэтому в них обращают на себя внимание читателя и подкупают открытость и незащищенность поэта, предельная правдивость и веющее от строк душевное тепло, образующие в совокупности сложную, но единую систему чувств. Ощущается в этих очень разных по стилю «письмах» опасение остаться непонятым и неслышанным, поэтому некоторые из них принимают форму сокровенных дневниковых записей, открытых взору читателя. Но главное, что мы видим в творчестве «детей войны», — это усилия, которые прилагает поэт, чтобы выйти из порочного круга мыслей и чувств на вольные просторы жизни, в которых, по его мнению, живут его адресаты. Поэту кажется, что он оторвался от действительной стремнины бытия и своими стихами пытается удержать уходящее его течение. Стихи его проникнуты беспокойством за будущее и настоящее, которое временами больше похоже на отчаяние, нежели на предупреждение. Но чувство ритма жизни еще не утрачено в этом цикле, не утрачено в нем ощущение единства жизни. А если есть единство, значит, и путь к нему существует — путь вечного и болезненного самосовершенствования. Этот путь объединяет в основном всех поэтов «рождения 41-го года». Это стержень или, вернее, стержень их творчества: мучительное движение вперед, постоянные искания, непрерывные стремления обрести себя в меняющемся мире... Так, у Рената Хариса на каждом витке его поэзии мы видим все новые и новые попытки постижения ускользающего, извечно обманчивого времени:

Я — уголь догорающей звезды,
вновь разгораюсь под порывом ветра.....
В круговороте этом —
бессмертье памяти моей.....

Разве не видим мы, что у поэта — совершенно иное измерение времени? Это его время и его собственные размышления, несущие печать личностной новизны, они бессильны перед его же собственной памятью, и сквозь память властно вторгается в сиюминутность жизни звездная, пылающая и дарующая огонь Вечность.....

Весь мир — мое достояние,—
Отчего же нет утolenия?
Что духу в брeнном мире
Суждено вечное горение.

Огнем души преодолеть брeнность мира — такое напутствие оставил нам татарский поэт Абельманих Каргалый, живший в XVIII веке. Нас разделяют два столетия, но цель и задачи татарской поэзии, так ясно выраженные классиками, пребывают неизменными: по-прежнему, кроме высоких и проникновенных чувств, дара предвидения и пророчества, главной чертой настоящего поэта остается понимание людей и сострадание им. Сострадающий современнику — страдает всему человечеству во все времена. Индивидуальность, личностность — это не только и не столько выражение собственного «я», сколько умение помогать ближнему, не довольствуясь достигнутым; но всякий раз как бы все начинать сначала и при этом идти только своим выстраданным путем, не избегая соблазнов и не впадая в очевидные заблуждения.

Ренат Харис, Равиль Файзуллин, Рустам Мингалимов, Шамиль Маннапов, Гарай Рахим и другие поэты-«шестидесятники», как мне кажется, идут именно таким выстраданным путем и остаются верными своим изначальным ориентирам и идеалам. Их творчество сразу влилось свежей струей в татарскую поэзию, явив в ней новые примеры гражданственности и дерзновенной новизны формы; это был новый мощный всплеск

чувств и мыслей, это был вновь родившийся гейзер, который и по сей день орошает нашу отечественную поэзию своей горячей и целебной влагой.

С дождями возвращаются вечерние птицы,
вечерние птицы —
все те вопросы,
что накопились у меня к жизни с самого детства.

Роберт Ахметджанов

Сила подобных стихов в том, что они как бы вырастают, пускают корни и раскрываются на глазах у читателя. Сложность их выражения проистекает от сложности самой жизни. От этой самой будничной нашей жизни и правдивость, истинность их, пронзительная ясность, существующая для тех, кто способен сопереживать поэту, то есть для тех, кто попросту задумывается над вечными вопросами в суете и беспокойстве своего временного пребывания на земле. Ведь эти стихи при всей их метафоричности очень просты и конкретны, щемящи, как дуновение вечернего ветра в мокрых ветвях осени, и главным в них мы назвали бы именно «природность» мироощущения поэта.

Конечно, в оценке творчества поэтов не существует сравнительной шкалы ценностей. Но каким образом разные поколения поэтов обретают свое кредо в изменчивом и неустойчивом мире? Каким видят они человека, природу, мир? Близки ли они в этом друг другу?

Вот первый пример. Поэт-фронтовик провожает дочь в школу:

Цветы моей весны уже отцвели.
Где шумная улица моя?

Наби Даули

Естественно, в этих строках мы слышим сожаление по ушедшему и по всему прекрасному, что было в этом ушедшем. Однако рядом с поэтом, как его подрастающая дочь, идут вера и надежда — рядом с ним идет его будущее.....

А вот как чувствует ту же самую боль рано осиротевшее дитя войны:

Дай руку, дочь!
Твоя рука — цветок,
пусть она немного согреться.....
В другой руке я до сих пор храню
тепло руки отца.....

Рафик Юнусов

Не сравнивая творчество этих двух авторов, нам хотелось бы обратить внимание на преемственность чувства времени в этих стихотворениях. Ответственность за настоящее и будущее тесно переплетается в этих стихах с болезненной ностальгией по минувшему, и в этом обретается единство времени, отраженное в целостности не столько поэтических традиций, сколько гражданского долга.

Поэзия начинается там, где начинается ее тайна, поэтому все, что поддается анализу, по сути не является сущностью творчества того или иного поэта. Целью наших заметок является составить абрис, беглый набросок той картины, которая будет видна через годы; но уже сейчас мы можем определить основные преграды, которые приходится преодолевать поэтам. Скажем, повторяемость собственных находок, упорное нежелание сойти с проторенного, пусть и выстраданного когда-то пути. Ведь достаточно на мгновение забыть о своей ответственности за каждое слово, как от стихов начинает веять духовной пресыщенностью, мелочностью; сами собой уходят из такой поэзии категории чести, благородства, совести. О великая скупость — скупость мастера, берегущего каждое слово, как золотую песчинку! А ведь поверхностное представление о мастерстве и этой

самой скупости замечается не только у молодых, но, увы, и у старшего, опытного брата... Бывает, что и рифма на месте и детали броские, а вдумаясь, взглядишься —пустота, скучная пустота зияет в позолоченной клетке стихотворения... ..

Я — река. Но и сам не знаю,
куда стремлю течение свое.....

Куда как броско! Но заглянем в толковый словарь и убедимся, что река от истока до устья течет по ею же избранному, хоть и меняющемуся руслу! Так, выходит, река-то знает, куда она течет, а вот поэт?..

Идет, уходит время — проносится оно могучим порывом через душу народа, шатает ствол родословного древа нации, но бессильно и оно вырвать это древо с корнями — шумят внутри древа жизнотворные весенние соки и вызревают на нем удивительные плоды народной культуры. И потому внимание к собственной истории, к собственным корням день ото дня крепнет в татарской поэзии, возникают в ней образы жертвенной любви к Родине, образы, рожденные героизмом и преданностью истинным истокам народной души... А. Халим и З. Мансуров, А. Рашит и Г. Мурат, А. Адиль и Р. Низами... —в их стихах и поэмах отчетливо слышны не только голоса современников, но и живое эхо татарской трагической истории... Их творчество — это постижение мира и времени, но одновременно и сражение с разрушительной силой этих категорий. Ведь что разрушается временем болезненнее всего? Вера! А сокрушенная вера делает окружающий мир бессмысленным. Так в стихотворении Н. Измайловой «Трагедия ребенка» этот вопрос возникает в связи с утраченной верой ребенка в сказку...

Но ведь у каждого в жизни есть своя любимая сказка! Для одних она живет в прошлом, для других —в будущем, но все мы в определенном смысле —мечтатели, осознающие, что без сказки, мечты жить нельзя..... Однако есть среди нас и те, кто не только создает свою сказку в настоящем, но и проносит ее через всю жизнь — назло всем невзгодам, назло людской зависти, ненависти, злости.....

Человек, сохранил ли ты сказку в душе?
Не потерял ли силу земли в себе?
Потеря мечты — потеря человечности.....

Поэма Зульфата, из которой приведены эти строки, полна боли за человека, потерявшего веру, полна боли за будущее, которое уже не наступит..... Он пытается на многие вопросы ответить через философию, «заложенную» в сказках. И вновь ставится извечный вопрос о любви к ближнему, и выдумка сливается воедино с реальностью: сказочные образы не отвлекают нас от будничного настоящего, а, напротив, подводят к решению насущных задач, ставя их по-детски остро и прямо. Может быть, в сказках и мифах выражено не что иное, как инстинкт самосохранения самой Природы? Как иначе проникли бы в эти образы вековые мечты о народном счастье, о духовной чистоте, о духовной силе? Поэт внушает нам, что именно это ощущение от услышанной в детстве сказки и роднит всех людей нашей планеты.

В нас всегда живет тяга к вольным просторам и высоким чувствам. Истомленные тоской по духовной свободе, мы ждем от современной поэзии прямого разговора с читателем, а не плакатно-газетного, который, как бы «смел» он ни был по нынешним временам, только газетной риторикой и остается, ждем мы правду, воплощенную не в площадные выкрики, а в поэтические образы, и наивно было бы думать, что правда поэзии — в ее расставленных точках над «і». Мне кажется, высокая правда живет в смелых, порой даже жестоких вопросах.....

С дождями возвращаются вечерние птицы,
вечерние птицы.....
И к жизни у меня с самого детства
одни только вопросы.....

Вечерние птицы, пролетающие стая за стаяй, волна за волной в закатном небе — это ли не ритм биения поэтического сердца, и это ли не образ, очищающий наш духовный взор, наши духовные стремления?

Татарская поэзия всегда несла печать некоей своеобразной душевности и ответственности за своего читателя, как прежде, тысячу лет назад,— за своего слушателя, которому она отдавала все свое тепло, мысли которого она облагораживала, омывала животворной водой нравственности и направляла их в русло времени, заботясь о настоящем и будущем человека. И пока жива она, поэзия, жива и надежда на спасение и возрождение наших душ:

Огонь поэзии, ты жив в душе моей?

НАПРЯЖЕННЫЙ СВЕТ В ОКНЕ

Хасан ага всегда был где-то на высоте, на недостижимой вершине. Вот и сейчас предстает передо мной таким, каким он был всегда: и душой и плотью он будто стремится куда-то ввысь.....

Вот рукописи, исписанные мелкими арабскими буквами, ярко-зелеными чернилами (любимым цветом Туфана). Целые кипы бумаг, и за ними, за каждой из них — долгие годы, далекая и в то же время близкая история... Хасан ага скупыми словами отмечает каждый из этих листов, а потом, как бы между прочим, спрашивает: а сам-то как, пишешь ли, что пишешь, откуда родом... Внезапно глаза его освещаются мягкой грустью, он даже привстает: «А ведь моя мама была родом из ваших краев!.. Земляк, оказывается... Как-нибудь поговорить бы... Еще встретимся!..»

Это моя встреча с Туфаном — первая и... последняя. Какое это было мгновение, какой душевный разговор! Уже тогда меня охватило предчувствие: такому чудесному случаю больше не повториться... Да и времени для повторений, как оказалось, уже не было... Лишь далеким эхом прозвучало:

Может быть, где-то в вечности скрестятся наши пути,
Еще встретимся мы!

В старину люди верили, что существует невидимая пелена, разделяющая даже самых близких людей, и если кто-то отойдет в мир иной, то пелена эта спадет, и люди увидят, что были-то они друг для друга единственными и неповторимыми.

Хасан Туфан еще при жизни завоевал внимание и признательность литературной общественности и читателей, любовь и уважение народа, стал одним из мэтров татарской советской поэзии. Несмотря на все это, после расставания с ним с глаз современников будто спала та самая пелена, и его творчество открылось нам с неожиданных ракурсов, явив все свое величие и мощь. Пройдут года, а ценность творчества Хасана Туфана будет все возрастать. Взгляд поэта тоже устремлен в завтрашний день:

Там, в новом веке, изредка, случайно
Найдутся ли читатели у нас?

Обратите внимание на эти слова! Сколько сомнений и надежды вложено в них!

Вновь и вновь возвращаясь к стихам Туфана, пытаюсь проникнуть в их сущность, коснуться душой их истоков. Стихи волнуют и заставляют глубоко задуматься, а порой будоражат душу до слез. Поэт словно обнимает твое сердце своими теплыми руками:

Тебе дано до дней грядущих дальних
Все человеческое донести —
Сберечь всю силу чувств первоначальных,
Любить, гореть и быть всегда в пути.

Перечитав и прочувствовав эти стихи, приходишь к выводу: самая трепещущая высокая точка поэзии Х. Туфана — это думы о будущем. И его мысли о будущем в первую очередь связаны с Родиной, с народом.

А рожь на просторах Кырлая
Волнуется: где же гроза?
Лишь буря, цветы обдувая,
Забилла им пылью глаза.....

Видно — беспокойно на душе поэта. За обыкновенными строчками, за простыми словами — его тревожное лицо с печатью напряженных раздумий, непростых вопросов.....

На все вопросы Туфан ищет свой ответ. Между прошлым и будущим — его собственная биография, длинная дорога, отмеченная тяжелыми и в то же время удивительными находками. Кто-кто, а он знал, что самое дорогое для человека — это истина, добытая в борьбе.

В творчестве Туфана все яснее проступает, все четче вырисовывается образ путника. Он становится все ближе, и вот, наконец, встает перед нами, протягивает руку.

Дорога! Быть в пути. Вот естественное состояние поэта. Теперь мне становится все более понятным, почему так часто он оглядывается назад. И почему его взгляд устремлен вдаль: «...Длинные еще наши дороги, и все же — чем дальше, тем годы теплей...»

И чем глубже входишь в огромный мир Туфана, окаймленный постоянно отодвигающейся линией горизонта, тем более просторным, бескрайним и вечным кажется он..... — будто на самом деле «из Галактики мы до Земли добрались... Жили здесь миллионы веков». Интересно, что из этой строки, написанной в 1940 году, какая-то искорка перескакивает в год 1953, в его «Говорящую материю»: «Придя из вечности, в круговращенье некоем в цветок ты превратилась тут...» Годы с головокружительной быстротой приближаются друг к другу и стирается грань между временными отрезками... И жизнь поэта в этом пространстве вечна:

Он собрался в далекий путь.
Но он не ушел.....

Х. Туфан выхватывает контрасты жизни в их самых крайних проявлениях и выдерживает все звучание стиха на этом напряженном уровне. Если эта напряженность в раннем творчестве чувствуется и внешне — в самом слоге, взъерошенной форме стиха, то позднее эта напряженность — уже в содержании, в образной системе. Здесь прослеживается особая глубина мысли и сила чувства.

Как грустная память, растут
Мои незабудки осенние.....

Когда и снега занесут,
Кто мне принесет утешение?

Туфан — поэт напряженного чувства. Он — поэт, «рожденный бурей», ворвавшийся в поэзию ураганом (даже псевдоним «Туфан» в переводе означает ураган, всемирный потоп), всю свою жизнь прожил на высшем накале творчества. Вот как, совсем с неожиданной стороны, увидел поэт Сибгат Хаким эту особенность творческой жизни Туфана: «...раздвинув шторы, я ищу свет в окнах Туфана. Уже за полночь, но он бодрствует, он пишет... Не могу спать, пока есть свет в его окнах, — неловко...»

Свет в окне после полуночи — это напряженный свет: в этом доме или большое горе, или огромная радость... Свет в окне Туфана — это слияние двух противоположных начал, это свет «прекрасной думы» (так он называл поэзию). Он требует в творчестве беспредельной честности, полной самоотдачи. Этот свет пробьется сквозь высокие окна, пролетит через годы к далекому будущему.

...Мне снова хочется вернуться к своей первой и, можно сказать, единственной встрече с Хасаном ага. Знаю, есть много счастливых людей, живших рядом с поэтом, сохранивших воспоминания о нем. И в то же время верю, что подобную встречу можно пережить только раз. (Точно так же в душу запала первая встреча с его творчеством.

Когда дядя привез из Казани однотомник избранных произведений Туфана, мне было всего одиннадцать лет. И эта книга стала моим первым учебником по литературе.)

Уходят годы, а творчество и личность Туфана становятся все ближе. Он словно смотрит на нас испытующе и в то же время с надеждой, к нам обращено его суровое напутствие:

Пусть годы встают и грозится обрыв,
Айда напрямик, как вначале,
Путем, где, в грядущее нас проводив,
Друзья наши замертво пали!

МЫ ОЧЕНЬ БЛИЗКИ ДРУГ ДРУГУ

В моем рабочем кабинете есть крошечный земной шар. Откровенно говоря, в этом маленьком глобусе нет особой необходимости, но все же он нужен мне — чтобы всегда помнить о том, что и наша Земля, по сути, такая же маленькая в звездных просторах Вселенной. Иногда, в редкую свободную минуту, рассеянно коснешься этого шарика рукой, и закрутится, полетит по своей орбите Земля.....

Вертится глобус — крутится шар земной... И мы неустанно говорим о необходимости бережного отношения к Земле, об общих судьбах стран и народов, о единых корнях тюркских культур и культур других народов... И неизбежно делаем вывод: все мы очень близки друг другу.....

Мы очень близки.

Приезжая в родную деревню, я по обыкновению беру в руки семейный архив, в который уже раз перебираю старые, пожелтевшие от времени конверты, — ищу адрес близких родственников, которые, помнится мне, должны бы проживать в маленькой степной башкирской деревушке с чудным — но каким же? — названием...

Мы очень близкие родственники: абыз-апай — родная сестра моей бабушки. Когда-то давно она приезжала к нам с младшим сыном и невесткой. А вот сегодня — поди ты! — не могу отыскать даже адреса. Не общаемся, хоть и живем, можно сказать, рядом. Жива ли ты, абыз-апай? Не обижаешься ли на нашу забывчивость, хватает ли тебе сердечного тепла твоих детей? Неужели навсегда позабыли мы о том, что такое для человека доброе соседство, дружба, память о ближних, неужели мы утратили чувство кровного родства?!

Подобные мысли внезапно настигают меня. Вот и прочитав книгу Назара Наджми «Кто бы мог подумать...», я словно получил вдруг весточку от дальних родственников: вспомнил все — и сердце радостно и больно сжалось от сбереженной в нем тихой любви. И вспыхнула эта любовь, пережившая годы, с новой силой, взметнулась на миг, как огонек керосиновой лампы от ночного сквозняка, и осветило мою душу то, что прочел я на случайно открытой странице книги... Завершая свои письма о творчестве татарских поэтов, Назар ага пишет: «Славно было бы думать, что все написанное мной теперь родилось от надежды на более глубокое и широкое развитие наших литературных связей в грядущем...» И, словно подготовив предыдущей фразой почву для посева, бросает в нее вечное зерно, заключая: «Мы ведь очень близки друг другу».

Да, мы — татарский и башкирский народы — воистину очень близки. Нас объединяет единый исторический фундамент, который уже не перестроить и не переложить: у нас — общая судьба. Глубокое чувство взаимности — это движущая сила в эволюции наших культур. Несмотря на «шумовые помехи», организуемые говорливыми сборищами слабонервных обывателей, наши общие песни живут, поются — и будут петься, пока мы живы.

«Кто бы мог подумать...» — это книга, размышляющая о природе истинного таланта и людского отношения к нему. В подтверждение идеи самого Назара Наджми, выраженной словами «поэт рождается с каждым стихотворением», мысль о самобытной стезе литературного таланта уточняется, конкретизируется и проясняется с каждой новой страницей этой книги.

Известный башкирский поэт придерживается в своей книге единственного правила — полной искренности. «Открытые письма» татарским поэтам еще более усиливают стремление автора быть понятым. Душевная теплота, согревающая всю книгу, возрастает к ее последним страницам: изучая творчество собратьев по перу, башкирский мастер дает свою оценку татарской поэзии: «Разве она... не поднимает народ на прекрасную высоту, разве она не возвышает его интернациональную миссию? Эта вершина была достигнута еще Тукаем и Джалилем...»

В народе говорят: «Познавший себя — познал свою страну, познавший свою страну — познал соседа». И не зря вспомнил я свой маленький глобус. Мне кажется, что Земля крутится не только по воле Космоса, но и от того, что тянутся, тянутся друг к другу материки, страны и народы. И чувствуете, соплеменники, как веселее стала она вертеться с этого часа? Это ведь также благодаря книге, вышедшей в Уфе и прочитанной в Казани.

ЗА УХОДЯЩЕЙ ВОЛНОЙ

Самое первое и отчетливое чувство, возникающее у меня при чтении произведений Габдуллы Шарафи, это, быть может... легкое головокружение...

Такой светлый и легкий хмель ощущаешь, если вдруг из душной комнаты внезапно переносишься в лес, еще прохладный и влажный от пролетевшей грозы: воздух насыщен озоном, и голова кружится от пьянящих ароматов зрелого лета.....

Наше беспокойное время — время скоростей и суеты, сжатое и напряженное — до того впиталось в нашу кровь, что вне этой суеты и толкучки мы себя и не мыслим; мы постоянно живем в тревожном ожидании, что вот сейчас что-то должно случиться, что сдавленная пружина неприятных событий вот-вот с силой расправится — и ударит по нам... Не поэтому ли, вчитываясь в написанное Г. Шарафи, поначалу долго привыкаешь к внезапно распахнувшейся спокойной широте мира, ровному и непринужденному изображению жизни, плавным и неброским переливам красок.....

Здесь нет недостатка в языковых мелизмах, красках и расцветках, естественных жестах героев, но при всем том наконец-то не бросается в глаза яркая мишура украшательства, вымученная искусственная экспрессия — все то, что в критике зовется литературным приемом. Все, что писатель хочет сказать, он выражает просто и ясно, полностью осознавая цену своего слова: «Горло фляжки уже слилось с губами, а воды все нет. Наконец у солдата задвигался кадык, шевельнулись брови. По подбородку, белому от пыли, темной струйкой побежала вода. И у других солдат сжимается горло. Но не от жажды. Ком в горле — не проглотишь». Такой верностью деталей, правдивостью пронизаны страницы его книги, и относится это не только к изображению самих событий — подлинность, тяга к подлинности пропитывает весь воздух произведения, диктуя особенности языковых средств, сюжета и композиции, весь гармоничный облик книги, ее стиль.

О событиях Габдулла Шарафи повествует, вслушиваясь в звуки природы, человеческой души, доносящиеся из незримых сфер самого времени и самой жизни. Поэтому из многочисленных героев его книг каждый остается в памяти благодаря только ему присущим особенностям, чертам характера, поступкам, хотя большинство из этих героев, к примеру, молодые солдаты, возникают на страницах только эпизодически: Сарсынбаев, Соколов, Галлям-плут... Солдатская жизнь, на первый взгляд, стерла между ними все различия, сделала их одинаковыми, как одинаковы клавиши тальянки. Но мелодия книги до того отчетлива, что явственно слышишь каждую клавишу в отдельности — и звучание ее неповторимо. Читатель чувствует, понимает эту мелодию и сопереживает каждой судьбе по-своему, различая ее в переплетениях сотен судеб и наблюдая за ней с неослабным интересом. Среди тысяч звуков, звенящих в эфире жизни, писатель избирает самые нужные! Как достигает он этого? В чем его писательская тайна?

После долгих раздумий, кажется, я отыскал ответы на эти вопросы. Габдулла Шарафи — представитель того поколения, которое шагнуло в огонь войны прямо со

школьной скамьи; он был самым молодым среди татарских писателей-фронтовиков. И случайно ли то, что многие из наших писателей оказались на фронте в качестве связистов? Читатели, знакомые с повестью Г. Шарафи «Безводный океан», конечно, помнят, что и ее автор был на войне связистом. Не там ли можно найти истоки его особого бережного отношения к Слову, к человеческим судьбам? Связист обязан быть немногословным, точным, бдительным. В его руках — особенно важные связующие нити войны. И вдумайтесь только: разве не схожи огромная ответственность связиста на поле боя и долг писателя?!

В первых его стихах сквозила не только боль фронтовых ран, горечь, но и радость от того, что он снова оказался в строю. Первый сборник так и назывался — «Снова в строю».

Стихи о войне, как бы там ни было, и сегодня не могут быть лишены истинности и достоверности, когда война — это стержень поэтической судьбы. Напротив, чем дальше уходят от нас эти громовые и кровавые годы, тем яснее видится потрясение поэта; отдельные детали складываются в единое целое, сама истина становится четче, ближе и понятнее. Свидетельством подлинности «солдатской поэзии» является и то, что, в какие бы условия ни ставила нас жизнь, фронтовая лира откликается на них наиболее открыто и откровенно, и творчество этих поэтов всегда — на передовой линии жизни.

Хисам Камалов, каким бы скромным не был в повседневной жизни, на самом деле — всегда в первых рядах. Войну прошел солдатом артиллерии, был связистом. Вроде бы не стоял за пушкой, но связь — «глаза и уши Бога войны». Таким он нам видится и сейчас — словно обращается к нам сквозь грохот разрывов. Из всех многообразных жизненных проявлений он избирает в своей поэзии те, которые имеют смысл самый естественный, привычный, чуть ли не бытовой и потому незаметный для будничного взгляда. Вообще, любопытная и несколько противоречивая сторона творчества Х. Камалова в том, что его больше, нежели внешняя эффектность жизненной (военной) сумятицы, интересует в подобных обстоятельствах истинная сущность человека, которая, подобно отблеску молнии, в одно мгновение разверзает самые затаенные уголки его души.

В самые напряженные моменты бытия писатель находится среди своих героев, и герои его — откровенны и честны, как и он сам. Они никогда не стремятся прикрыть суть своих поступков покровом праздного пустословия или же избежать решительного шага, наоборот, они мужественно устремляются в самую гущу жизненных испытаний, заранее осознавая, что испытания эти будут трудны и не всегда могут закончиться победой. Такая преданность, такая естественная и скромная готовность идти на подвиг всегда находят отклик в недрах души читателя. Хотя, будем и мы искренни, бывают в творчестве поэта и такие моменты, когда он принимает за испытание случайную в общем-то ситуацию, и будничность ее, оседая, подобно пыли, на крыльях поэтической мысли, не дает этой мысли взлететь в горные выси поэзии.

Но все дело в том, что по размышлению понимаешь, что вычеркнуть эти строки нельзя. Вычеркнешь — и в другом месте оборвется цепь мыслей, пропадет эмоциональный и интонационный настрой.

Хисам Камалов нарочно облачает свои стихи в предельно простую форму. Каждая строка его стихов — словно бы отзвук обычного задушевного разговора.

Если б ты знала, мама, как я ходил
на разведку в тыл врага:
от страха я молитвы твои повторял,
но, душу спасая, не предавал людей.

Нелегко смотреть на мир глазами терпеливого, но в то же время мудрого и искушенного человека, крылья души которого не раз надламывала и подрезала жизнь. Не

сразу замечаешь и саму светлую, сильную душу. Безропотному, смиренному — как выстоять в этой дикой сумятице современности? Но вот что удивительно: от стихотворения к стихотворению образ этого терпеливого, мягкого человека становится все яснее, прозрачнее, весомее. Его печали и негромкие радости, сливаясь в живительный и одухотворяющий поток, захватывают и нас в свою животворную стремнину. И далеко не каждому дано изобразить человека в таком его состоянии — без гордой заносчивости прописного героизма, в смирении и силе, которые не убывают, но прибывают от телесных и духовных страданий.

Спустя почти 40 лет после войны Х. Камалов создал о ней крупные произведения. Речь идет о трех романах: «У каждого жизнь одна», «Нас ждут дома» и «Написал после смерти».

Зловещая и бурная волна войны унесла молодого и полного сил человека от родных берегов. Сегодня ветеран, как бы пытаясь вернуть унесенное, бросается вслед за этой уходящей все дальше волною и словно снова рвется в самую пасть огнедышащего чудовища... В чью пользу завершится этот поединок? Никто не скажет наверняка. Но человечеству свойственна жертвенность — кому-то нужно быть сильным духом, чтобы подобная черная волна не нахлынула вновь, чтобы она, как цунами, не обрушилась на новые поколения людей.....

ХОЗЯИН БЕСПОКОЙНОГО ДОМА

Помню как сейчас: в писательском клубе имени Тукая идет собрание, посвященное итогам литературного года, в небольшом зале яблоку негде упасть, но все же в этом деловом сумбуре его, поэта Наби Даули, не углядеть невозможно. Выступающий говорит о поэзии, а он — удивительно! — так переживает за каждое высказанное слово, словно бы сам отпускает его в полет, как птичку с ладони, и с таким порывом и ответственностью, что, кажется, вдохновляет самого докладчика. Едва прозвучит требовательная, категоричная мысль, как он, разрубая ладонью воздух, будто бы «ставит точку», да так основательно, что все сказанное с трибуны после этой точки сомнению подвергаться не должно. Прозвучит ли дружеская шутка в чей-нибудь адрес — оживление в зале становится мощнее от громогласного смеха седовласого писателя. От улыбки сетка морщин на его лице становится похожей на легкую осеннюю паутинку, и кажется, вот сейчас улетит она от нечаянного порыва согретого солнцем ветра.....

Помнится, тогда были выдвинуты довольно резкие требования к творчеству коллег, достаточно дано пищи для споров. Каждому в зале было известно, что Наби Даули — не только дирижер прозвучавшего доклада, но и автор его: у него побаливало горло, и размышления писателя пришлось озвучить другому человеку. Однако каждое слово оставалось в незримой связи со своим хозяином. Поэтому и воздействие его оказалось двойным — из-за такого «стереофонического» эффекта.

Собратья по перу помнят Наби Даули как литератора, подобного гремящему и извергающему огонь вулкану. Кому-то, возможно, он казался непредсказуемым, неуживчивым. Но какой же огонь таился в глубинах этого вулкана? Какие подземные силы приводили его в движение? Наконец, каким огнем поделился с людьми этот писатель-вулкан?

Как известно, истинное признание пришло к нему поздно и внезапно. В один прекрасный день читатель узнал его как автора повести «Между жизнью и смертью». Это произведение привлекло внимание поистине трагическими судьбами героев. И если читатели в течение нескольких десятилетий продолжали присылать свои письма и отклики, разве не свидетельствовало это о подлинном и заслуженном признании?

Повесть «Между жизнью и смертью» поднимала вопросы некогда запрещенные — она рассказывала о разрушенных войной человеческих судьбах. Она стала одной из наивысших точек в эволюции таланта писателя, и под этим новым углом зрения по-иному

высветилось и предшествующее творчество писателя. Читатель заново увидел, что в книгах Наби Даули личность автора не цепляется за позиции собственного «я», а следует динамичному движению самой жизни, умея отказываться от разоблаченной им же самим фальши, побеждаемой смелой и активной мыслью поэта.

Слова, вышедшие из-под пера писателя, прежде чем стать логическим продолжением предыдущего образа, всегда вспыхивают и расцветаются огоньками новых, внезапных мыслей-озарений. В итоге этот стиль — в прозе или в поэзии — запоминается именно своей пульсацией, своей «кардиозаписью» сильного, но ровного и бесстрашного сердцебиения.

С того памятного собрания прошло немало лет. Что-то стерлось из памяти, на что-то я теперь смотрю по-иному, нежели тогда. Но чем ближе узнавал я писателя, тем яснее открывалась передо мною его непримиримость к полуправде и штампованной истине, все прозрачнее и понятнее становилась его беспокойная, ищущая и неустанная душа. Не могу утверждать, что не было у него ошибок и раскаяний: нелегка жизнь у беспокойного и деятельного человека! Не зря одну из своих книг писатель озаглавил «Тынгысыз йорт» («Беспокойный дом»). Таким вот беспокойным домом и являлся его творческий мир.

Когда подходишь к этому «дому», возникает странное ощущение незащищенности — чувствуешь себя словно бы на перекрестке семи ветров. Неспроста, наверное. Ведь около высоких домов, около вершин всегда бывают сильные ветры. Высокий дом ветер к себе зазывает.

ЖАЖДА

Давным-давно прочитанная прозаическая миниатюра не уходит из памяти... Называлась она странно — «Сары Сагыш Йомгагы» («Клубок Желтой Печали»). Таково было прозвище некоего больного, а прозвали его так за болезненный желтый цвет лица, за отрешенный взгляд... Но вот увидел он как-то раз весело щебечущих синиц на больничном подоконнике, улыбнулся — и быстро пошел на поправку, а вскоре и вовсе покинул больничную палату. В историю эту и верится и не верится... Но так хочется поверить!

Не начинал ли Рахмай Хисматуллин со стихов? В густой атмосфере его произведений, насыщенных событиями, хлопотами и разговорами героев, в переплетении имен — едва почувствуешь стеснение в груди, как тотчас ворвется на страницы книги свежий вольный ветерок лирического отступления... И тотчас, разгоняя облака привычности, дает этот ветер дорогу свету поэтического образа.....

Уже в названии упомянутой миниатюры — грустном и внезапном — раскрывается одна из характерных черт писательского таланта, присущая ему вполне, — это неразрывная связь с деталями, фактами из жизни и одновременно опора на единые, общие философские основы, короче говоря, оригинальное единство чувств и мыслей, образного изображения и конкретного события, вызвавшего этот образ. Так решается сложная задача, поставленная перед писателем самой жизнью: ему надлежит найти в человеке то, что делает его человеком и рассказать об этом правдиво и достоверно.

Да, «Клубок Желтой Печали» привлекает именно своей поэтичностью, поэтической внезапностью, потому и остается у многих в памяти.

Писатель старается найти общий язык с читателем и сам держится просто, оставаясь в любой момент творчества искренним и бережным по отношению к людям. Из рассказа ясно — ему и самому, как говорится, досталось в жизни горечи, но, раскрывая истоки и причины собственных неурядиц, пре-одолевая собственные проблемы, он на личном опыте убедился в том, что света и добра на земле все же больше, нежели тьмы и откровенной злобы. Наверное, поэтому он и способен увидеть всюду проявление благородства человека, красоту его труда и любви: он умеет оценить и донести прекрасное до своего читателя.

Любимые герои Р. Хисматуллина — это люди, которые утверждают себя в жизни не отдельной удачей и сплошным везением, а долгим и каждодневным трудом. Не все у них ладно — в быту, в личных взаимоотношениях. Да и трудно найти согласие со всеми или даже немногими в окружающей нас пестрой человеческой среде, если во главу угла поставлен принцип, а не желание понравиться. Эти люди — создатели с сильной волей, прочно стоящие обеими ногами на земле, но душою при этом витающие в облаках, чудаки, так и не взявшиеся за ум романтики.....

Я уже спрашивал самого себя — не со стихов ли начинал Рахмай Хисматуллин? Откуда иначе в его произведениях эти бунтари, эти альтруисты, объявившие войну расчетливости и равнодушию? К тому же в его повествованиях всегда ощутимы тяга к эмоциональному, образному языку, стремление использовать средства поэтического изображения... Пусть иногда в тягость самому себе, но он старается опираться не столько на логику, сколько на порыв, чувство, собственную увлеченность... Психологических переживаний и раздумий в его книгах намного больше, чем внешнего действия.

Среди всех «показательных» героев Р. Хисматуллина есть один, который не назван по имени. Лирический герой? Или сам автор в ипостаси человека постигающего? Этот герой — не идеал, не всевидящий и всезнающий ангел-хранитель. Он мучительно ищет свой путь, нередко блуждает «в трех соснах», ошибается и вновь находит дорогу, радуется и скорбит всей душой, порою, забывшись, даже выходит за рамки литературного произведения и уходит в глубины настоящей жизни... Пожалуйста, обратите на это внимание, читая Рахмай Хисматуллина! То, что автор время от времени вторгается в повествование, бросается в самую гущу событий, начавших жить своей, отстраненной от него жизнью, говорит в первую очередь о беспокойном его характере и кипучей энергии. Но это можно расценить и как ответственность писателя перед жизнью и литературой, перед своими героями и читателями.

Особая тонкость нравственного чутья — вот качество, роднящее и сближающее автора с его героями. В одном случае он восхищается здоровьем человеческого духа и возможностями человеческого разума, помогает своему герою в поисках источника Красоты. В другом случае при помощи «прозаического рентгена, он старается проникнуть в самые затаенные уголки человеческой души, раскрывая сложные психологические процессы духовно нездоровых людей на фоне их личных и социальных проблем. Не всегда можно найти ответы на вопросы, которые ставит жизнь, и тогда в сердце остается щемящее чувство разочарования: так же и к читателю переходит боль писателя за несложившиеся судьбы, неосуществленные мечты его героев. Боль за тех, кто, карабкаясь все выше по ступеням общественной карьеры, на деле скатывается все глубже в бездонную пропасть нравственного падения. Автор как бы снимает своих персонажей скрытой камерой, не давая им возможности ни принять соответствующую позу, ни привести себя в порядок... Беспощадная объективность изображения обнажает корни этих растений-пустоцветов, стремящихся захватить все больше пространства в нашей с вами жизни, и, показав, что это — всего лишь сорняки, выставляет их под палящее солнце правды и нравственности.

В творчестве этого писателя мы постоянно встречаемся с типом человека, потерявшегося среди обычных мирских забот и семейных взаимоотношений. Возможно, он напомнит нам кого-то из знакомых, друзей, родных — или нас самих? О нем не скажешь, что он — этакий мизантроп, «злое чудовище», затаившее злобу на весь наш такой-сякой мир. У него бывают минуты озарения, когда он хочет распахнуть свою душу другому человеку, пытается довериться, хочет быть понятым, стремится почувствовать себя нужным кому-то. Однако, если он сталкивается с непониманием окружающих, — это для него истинная трагедия. Такой герой — это клубок сплошных нравственных терзаний. Остальные люди, обитающие в мире, нисколько его не интересуют отныне, а если они и привлекают иногда его внимание, то только тем, что обладают некоторой душевной гармонией, утраченной им самим, — еще не полностью позабытой, но уже безвозвратно

потерянной... Именно поэтому они пробуждают в нем чувства зависти, отчуждения, даже ненависти... Ибо он — именно тот человек, который, пытаясь «жить как все», в итоге утратил свое собственное «я». Не случайно, как только заходит о нем речь, не упоминаются ни его друзья, ни родня, ни родители, — да и не позабыл ли он сам о них, вырастивших и воспитавших его?

Он, несомненно, страдает от своей отчужденности, оторванности от корней, и боль утраты терзает его, оставляя все-таки небольшую надежду на то, что страдания его излечимы... Почему же мы так долго всматриваемся в него? Неспроста. Ведь в повествование он вошел прямо из нашей сегодняшней жизни — да уж не из среды ли знакомых нам людей?..

Как утверждает сам писатель, в жизни всякому уродству противостоит нравственное здоровье ее невыдуманных героев. Они — внутри коллизий, рожденных бытовым материализмом, — находятся на самой линии фронта, где сражаются или просто сталкиваются порядочность и низость, расчетливость и бескорыстие. Через образы таких героев, наших современников, утверждается сама суть наследования традиций наших дедов и прадедов, весь смысл передачи из поколения в поколение факела любви и человечности.

Не случайно давний очерк Р. Хисматуллина, повествующий о хлеборобах, назывался «Тамырлардан танырлар» («Узнают по корням»). Последняя строка этого очерка запечатлелась в памяти: «Почка надежды рождает листок радости. Испечем большой каравай, размером с земной шар...»

Взгляд в будущее, стремление к новому, жажда деятельности — это знамя творчества писателя, всегда полыхающее и реющее впереди. Как знаменательно и то, что очередная книга писателя называется «Жажда» и открывается рассказом, давшим заглавие книге.

В этом рассказе веет драматизмом обретенного и вновь утраченного, драматизмом угасания и возрождения. Писатель раскрывает и обнажает человеческие грехи, заблуждения и жизненные ошибки, но все же, прочитав рассказ, мы не ожесточаемся сердцем, не отворачиваемся от героев, а становимся чище и светлее душой. Секрет здесь в том, что писатель никому не выносит приговора, а попросту заново, вместе с читателем, переживает изображаемое. Он вступает в течение самой описываемой жизни, о которой мы еще ничего не знаем, и вместе с нами пытается сострадать людям во всех их противостояниях, в конфликтах судеб, дел и мыслей.

Нужно, однако, отметить и то, что порой у Р. Хисматуллина интересная и неординарная тема не раскрывается полностью или яркий жизненный случай не превращается в факт литературы, так и оставаясь черным графитом, а не алмазом. Чтобы создать алмаз, необходимы высочайшее давление, время и множество других природных условий. Жанр прозы не прощает попыток свернуть и вставить в готовые рамки обыденный или даже потрясающе интересный, но фактографический материал — это сродни возведению замков на песке. После чтения этих рассказов остается множество вопросов, возникает беспокойство за судьбы людей и чувство бессильной сопричастности к их бытию... Что же делать, приходится смириться с тем, что и такие страницы нашли свое место в книгах писателя.

Один из великих людей сказал: «Если начинаешь что-нибудь строить, верши его так, словно собираешься жить вечно, а если молишься — вложи в молитву всю душу, как если бы за твоей спиной стояла смерть твоя». Вот такое яростное стремление к какому-то пределу, такая жажда искренности, по-моему, присущи творчеству Рахмая Хисматуллина.

ПОДВОДНЫЙ РОДНИК

Жил-был некий писатель. И вот в один прекрасный день явилась ему большая Мысль. Очень обрадовался писатель этой Мысли. Сразу же уселся за стол, чтобы воплотить ее в рассказ. Но Мысль оказалась такой большой, даже огромной, что вскоре выяснилось, — не

поместится она в рассказе, и в повести не поместится. Более того, и в роман ее не уложить. Отшвырнув в сторону перо, писатель крепко задумался... В это время подбежала к нему его маленькая дочка. «Папа! Папа! Расскажи мне сказку!» — потребовала она. И писатель рассказал ей эту Мысль как сказку. И получилась эта сказка совсем маленькой, как говорится, с гулькин нос... Но у девочки разгорелись глазки, забилося сердечко, и она тут же убежала на улицу, чтобы пересказать своим друзьям-подружкам папину сказку. И выслушав эту сказку, другие дети тоже почувствовали в себе странную перемену: вдруг стали им понятнее разные хитрости жизни. Так научила их премудрости большая Мысль, поместившаяся в маленькой сказке.....

Эта притча-пародия пришла мне в голову, когда в детской газете стали появляться маленькие, с гулькин нос, сказки Гаффара.

Они и привлекли внимание читателей прежде всего своими крошечными размерами. Короткие, лапидарные — украшений почти нет. Живем-то в эпоху нанотехнологий (можно сказать в шутку — от татарского «нэни» — малюсенький)! В то же время сказки подчиняются определенной стилевой идее: незамысловатое начало-зачин «Жил да был...» и концовка — взрывная, неожиданная... Внешне эти сказки очень просты: складывается впечатление, что их «всякий бы написал». Именно поэтому они вызывают у многих, помимо воли автора, соблазн подражания — вот и я не избежал этого искушения, сочинив только что изложенную то ли притчу, то ли пародию.....

Однако, заглянув вглубь той или иной сказки, можно углядеть внутри ее устоявшейся формы достаточно сложное действие, заметить замысловатое движение авторской мысли. Сказки эти очень забавны и веселят детей: чего стоит, скажем, один только Шалкан (Репа), съевший собственный хвост? От забавы один шаг до загадки: «Жила да была Дорога. Куда пошла Дорога?..» Хватает в этих сказках и поучительных примеров, например, о Ноже, которому так хотелось резать что-нибудь, что в конце концов он изрезал самого себя.....

Возможно, в одних только сказках, в одном только поучительном намеке истины не обретишь. Но сказка — удивительный и в то же время весьма трудный жанр. Здесь писателю нужно особенно крепко держать вожжи своего вдохновения, нужно знать — куда и зачем едешь.....

В смысле «куда и зачем» Ахат Гаффар всегда готов ответить: он практически никогда не упускает из виду конечную дидактическую цель. И не будем стесняться слова «дидактическая»! Не будем, коль скоро оно роднит упоминаемые сказки с жанром басни или народной байки. Намеренно сохраняя внешнюю форму короткой «народной» сказки, писатель стремится при этом изменить, осовременить готовый стереотип сказочного мышления. Результатом является то, что сказки его на самом деле — и не сказки вовсе. Но самое главное в том, что, сколько бы они ни рождали споров, результат всегда интересен. Автор, в сущности, основывается на подготовленности современного ребенка, ибо учитывает сложности окружающей его среды и нацелен на активное общение ребенка с миром, на развитие его мыслительных способностей.

К слову сказать, помня о вековечной передаче сказочного наследия из поколения в поколение, при этом сохраняя лучшие традиции не только отечественного фольклора, но и фольклора Востока и Запада, необходимо отметить, что творчество писателей, работающих сегодня в этом чрезвычайно трудном и прихотливом жанре, нуждается в особом внимании. Сказки Рабита Батуллы, Фаниса Яруллина; стихотворные сказки Шауката Галиева, Роберта Миннуллина, Лябиба Лерона; сказки-пьесы Туфана Миннуллина, Рената Хариса, Равиля Бухараева, Рафиса Курбана и других... Литературные сказки пишут даже совсем молодые («Сказки для взрослых» Гульназ Валеевой). Если подсчитать, выяснится, что мы не так уж и бедны на сказки.....

Но все же жалко: в этом списке сказки Ахата Гаффара, единожды промелькнув, больше не попадают на глаза. Однако теплится надежда, что сам автор не забудет это многотрудное дело и не отнесется к нему, как к временному увлечению. Ведь формулу

сказки превратить в штамп невозможно. Слишком сильный и неиссякаемый родник питает этот вечный жанр. Мы, по сути, успели сделать из этого родника один глоток. Какими бы разными ни казались эти сказки, к сожалению, многие из них построены по схеме перевоплощения предметов или перехода их из одного состояния в другое. Если превращение Потолка в Пол, а Лестницы — в Ключ сразу бросается в глаза, то более тонкое превращение Обыкновенной Лягушки в Неузнаваемую Лягушку или превращение мерзлого Кочана в Капусту уже выглядит не так обыденно и претендует на многоплановый смысл. Вот пример такого превращения в одной из сказок А. Гаффара:

Жил да был Дождевой Червь.

Однажды позвал его Дождь в гости. После долгих сборов Дождевой Червь отправился в путь. Долго, очень долго добирался он. Долго, ой как долго. Ничуть не торопился. Ни капельки не спешил. А когда добрался до места, увидел, что Дождь, дожидаясь, превратился в Снег.....

По-моему, тут бы и закончить сказку. Но автор продолжает разговор, поэтому дослушаем его до конца:

— Какая разница, к кому ходить в гости? — изрек Дождевой Червь. — Снег, прими меня как гостя. Но Снег не открыл ему дверей. Голодный и продрогший, отправился Дождевой Червь восвояси. В гости нужно приходиться вовремя. Иначе от долгого ожидания у хозяина суп остынет.

Эта сказка служит подтверждением всем высказанным выше рассуждениям. Ясное дело, можно было бы поспорить об уместности морали. Но, будем честны, даже знаменитый Шарль Перро без морали не обходился! Просто нравоучительные концовки выбрасываются из его современных изданий.

Если же вернуться от Шарля Перро к Ахату Гаффару, можно заключить, что жанр сказки в его творчестве отнюдь не является случайностью. Ведь то, как он в большой своей прозе справляется с Мыслью и как он стремится к краткости, ясности и конкретности, а также оригинальность его стиля кристаллизуется именно в подобных сказках размером с гулькин нос.

Во многих современных прозаических произведениях отталкивает то, что читателю приходится шагать по заранее известной тропе. Изрядно поднадоело, что все, как говорится, карты заранее раскрыты. Все больше растет необходимость в индизнаказательности, в таинственности, в подтексте. В поэзии современников эти качества присутствовали почти всегда. А в прозе, кажется, Ахсан Баянов и Аяз Гилязов острее других прочувствовали такую потребность. В русскоязычной литературе в этой связи упоминаются имена Ч. Айтматова, Ф. Искандера, В. Белова и многих других.

Искренность, мечтательность, вера — какой же глубокий смысл имеют эти понятия. Тревожит и печалит почти полное их исчезновение из современной литературы. Просто жалко наших детей. Они, не успев подрасти, состарились; они знают, что Дед Мороз — это обыкновенный артист, выступающий за деньги. Жаль и взрослых, не верящих ни в тот, ни в этот мир, и поклоняющихся исключительно деньгам и водке. Да и что остается человеку, утратившему веру в прошлое, настоящее и будущее, а следовательно, в самого себя?! Как спасти его от гибели, как разбудить его способность чувствовать, думать, постигать жизнь? Не уклониться литературе от этих вопросов. И многочисленные сказки народов мира встают, как воины духа, на поле неравной битвы.

У Ахата Гаффара как писателя есть свои удачи, свои находки. Его сказки — одна из волн этой стремнины исканий, которая ближе к берегу современности, так что ее плеск и свежесть ощущаем мы все.

В заключение скажу, что в этих сказочных экспериментах особенность языкового стиля писателя раскрывается с новой стороны. Скажем, в крупных прозаических и драматических произведениях можно найти достаточно примеров, где между писателем и его словом не сохраняется надлежащая дистанция. Слова уплотняются, не давая дышать мысли и поэзии, — не хватает воздуха... Это напоминает полотно художника, увлеченного только кричащей красочностью своей картины в ущерб «воздуху в живописи». Или автор

делает это намеренно, чтобы слова «изумлялись собственной толкучке»? Интересно, что в сказках этой нехватки воздуха не ощущаешь. Они озарены светом великой мудрости и простоты сказок.

Этот свет чувствуется и в рассказах А. Гаффара, созданных для детей. Он объединил их в отдельном сборнике под названием «Подводный родник». В названии есть свой замысел: сохранение истоков и тревога о будущем. И верно, всякое добротное произведение, написанное для детей, и есть по существу забота о будущем народа! Творчество для детей, как святой родник, питает и «литературную Волгу»!

Как-то, по случаю, сказал о своей пародии-прит-че Ахату Гаффару. Упомянул и о том, что пишу заметки по поводу его сказок. «Только...— сказал я тогда, — дабы поставить точку, нужна еще одна сказка. У меня есть даже начало для нее, продолжение — за тобой».

Тогда же я заметил, что некоторые и из опубликованных сказок Гаффара все еще ждут завершения, «взрывного» конца. Особенно одна из них — сказка о домах, которые ходят друг к другу в гости, когда жильцы спят... Казалось, что писатель непременно напишет новый вариант.

После этого Ахат Гаффар активно работал и работает в прозе и драматургии. Даже написал стихи и опубликовал их. Не было только сказок. Но все же, я думаю, подводить итог его работе в этом жанре рановато. Пока он не напишет продолжение предложенной мною сказки.....

А начало ее было таково:

Жила-была одна Сказка. Она была очень маленькая. Но ей хотелось поскорей вырасти.....

Вдумайтесь. Сказке — хотелось вырасти!

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Как страшно, наверно, осознавать, что в этой жизни ты опоздал навсегда! Размышляя об этом, начну разговор издалека. Впрочем, так ли уж издалека? Я имею в виду наших матерей, особенно тех, которые рано овдовели.....

Дети, повзрослевшие, свившие собственные семейные гнезда, часто ли вы интересуетесь тем, чем живут теперь ваши матери? Не чувствуете ли вы, что они иногда как бы возвращаются в прошлое — в прожитые годы, в непростые свои судьбы? А может, это и не возвращение вовсе? Так, достают со дна сундука вышитый платок — незабвенную свою молодость... Разве это не всполох огня души, обугленной еще в молодые годы? Не оттуда ли желание одеваться подобно молодым, не оттуда ли тяга к яркому и пестрому? Наверное, оттуда. «Да ты что, этот цвет годится только для молодых!» — не обижайте матерей подобными словами! Разве не понимают они, сколько воды утекло, разве не знают, что молодость не возвращается? Постарайтесь понять их, утешить, ободрить.....

Не знаю, удачно ли такое сравнение, но... так и в первых книгах, вышедших в свет с опозданием, ярко видна тяга их авторов к свободе, чистоте, юности, еще не растраченных в душе. Наконец, есть в них отсвет внутренних сил, долго сберегавшихся в глубине сердца.

Это происходит не в одно мгновение. Собранная по крупницам, по каплям творческая мощь однажды заставляет человека открыть себе дорогу. И вот результат — первая книга. И нас больше всего волнует вопрос: насколько удачен этот результат? Каково будет его продолжение, и будет ли оно вообще?

К первой книге поэт приходит повзрослевшим. У него на этом пути было достаточно времени и возможностей задуматься о написанном, вновь и вновь возвратиться к нему. Но

не секрет, что и нас, читателей, волнует длина этой дороги. Автору, немало испытавшему в этой жизни, хватит ли сил всякий раз заново увидеть мир в его свежести и первозданности? Достаточно ли у него душевного огня, чтобы разбудить наши уснувшие сердца?

Не я придумал эти вопросы. Они словно сами явились ко мне с титульного листа книги Ямаша Игеня и сопровождали меня от первой до последней страницы этой книги.

Возьмем один пример:

Пришло известие, что отец мой ранен.....
И по небу с той поры плывет багряное облако.....

Стихотворение состоит из этих вот двух строк. Другие стихотворения Ямаша Игеня столь же кратки. Но эта краткость, являясь особенностью формы, как будто подчеркивает общую направленность его творчества. В одном из стихотворений лирический герой мечтает упасть на проросший росток дождевой каплей. Автор то пробуждает в нас угасающее чувство, то подхватывает мысль, готовую сорваться с кончика нашего языка.

Краткость — не самоцель. Она не продиктована простой нехваткой поэтических слов. Если почти каждое из ста стихотворений оканчивается многоточием — случайно ли это? Поэт успевает высказать свою мысль, но, сказав последнее слово, он не останавливается... Ибо нет подлинного стихотворения, которое заканчивалось бы последним словом: стихотворение — это дорога, дорога без начала и конца... По этой дороге можно идти и идти, но не следует останавливаться, ибо тогда она исчезнет из-под ног.

Как проявляется эта истина в творчестве нашего автора? Вероятно, она в том, что стихотворения пишутся от первого лица. Часть стихотворений Ямаша Игеня подходит под определение монолога: монолог проложенной дороги, монолог земледельца, огнива, яблока... Из многих монологов становится ясно — это вовсе не беседа с самим собою; это, по сути, разговор с молчащим и задумавшимся собеседником, это призыв к действию, к движению, к поступку.....

Форма монолога не нова и, конечно, не изобретена Ямашем Игенем. Этот прием он берет готовым, идет проторенной дорогой, но неожиданно открывает в нем искрящуюся новизну. Поэт перевоплощается в яблоко и дорогу, но в этих трансформациях нет искусственности. Нам становятся близки его потребность взглянуть на привычное в новом свете, а впоследствии — рассказать нам о пережитом и прочувствованном самыми простыми словами. Есть еще несколько стихотворений, которые можно условно объединить под заглавием «Монологи путника»: в них явно выражается эта искренность автора. И эти «монологи в движении» в определенной степени дополняют статичность предыдущей группы монологов, привнося в них чувство времени и места действия. Во всяком случае, в «Монологах путника» более четко выражается сама авторская мысль. Например, о годах «холодной войны» и милитаризации нашей страны:

Детство. Зима. Война. Промеж оконных рам
лежали грудой хлебные колосья.
И вспоминался при взгляде на них отец,
бродивший по хлебному полю.

Прошла война. Отцу не удалось вернуться.
Давно на поле шумят новые хлеба.
А на окнах уже украшения
другие — бомбы и ракеты.

Многие стихотворения в этой первой книге написаны поэтом в стремлении понять непостоянство своей души через изменчивость ликов природы, в попытке обнаружить сходство между природой и порывами души. Это естественное явление — испытанный прием, частенько помогающий почувствовать удивительные связи. Но это все же «одно-стороннее» движение.

Если уж продолжить сравнение творчества поэта с дорогой, хочется увидеть на ней именно «двухстороннее» движение, то есть ощутить не только порыв самого поэта к творческому познанию, но почувствовать и обратную связь, которая является диалектическим двигателем жизни, и не только в искусстве.

«Двухстороннее движение» — это понимание целостности мира во всей его сложности и во всех противоречиях. Так, по моему мнению, должна выглядеть магистральная дорога поэтической мысли. Только такие стихи могут остаться в памяти песней и будут звать за собой многих и многих в путь.

В книге Ямаша Игенея есть намеки на такое движение, есть тенденция, влекущая к нему. Но хочется увидеть усиление этого творческого порыва, хотя стремление поэта найти удивительное в самых обыкновенных вещах, его способность услышать в звоне дождевой капли звук свадебного колокольчика дает нам надежду на многое. Пока же он стоит в самом начале своего пути, и видно, что он еще колеблется.

Мы часто сомневаемся, удастся ли нам доступно выразить словами самое обыкновенное и естественное чувство. И поэтому прибегаем к фальшивой глобальности. Скажем, чтобы узнать, есть ли на этой земле самоотверженные люди, мы готовы погасить аж само солнце! Может, и есть в этом зерно, да ложится оно всегда в сухую бесплодную почву, в ее слежавшиеся пласты.

И если посмотрим повнимательнее, то обнаружим, что такими пластами становятся с годами литературные стили, веяния моды, даже уровень подготовленности редакторов... Эти пласты вынуждают преодолевать нелепые препятствия; в них каменеют «урожайные» и «засушливые» годы, находки и потери... С этой точки зрения, после преодоления всех подобных преград и первый сборник можно считать в какой-то степени «избранным»: в нем собраны стихи, прошедшие испытание временем и общественным вкусом. Однако трудно сказать однозначно: вот — избранное, то есть лучшее! Насколько стихи из первой книги в действительности отражают истинное лицо поэта, истинное его творческое состояние? А может быть, это всего лишь отруби, оставшиеся после многократного просеивания через различные сита?

В творчестве Ямаша Игенея причин для беспокойства по крайней мере две: первая — наличие стихов гладких, без сучка и задоринки, но и ничем не задевающих внимание, и вторая причина — «бег на месте», повторение самого себя. То же можно сказать почти о каждом авторе, прошедшем длинный путь к первому сборнику и общественному признанию.

В общем, нельзя не заметить и того, что авторам, для которых первая книга является в какой-то степени и «трудовой книжкой», предоставляются и некоторые привилегии, как раньше при поступлении на рабфак: это явление усиливает приток в литературу второстепенных книг и случайных людей, девальвируя само понятие «книжное слово»... Вполне возможно, что именно авторы с жизненным опытом и обеспечат «заземление» поэзии, скажут свое зрелое слово, не увлекаясь причудами молодости. Может быть...

Приток в поэзию такого спокойного и прохладного течения, думается мне, стал причиной изменения литературного климата в минувшие годы. Да сохранит литературная судьба от претензий на ум или нарочитую наивность! Ибо ясно: рожденный ползать — летать не может, но рожденный летать — рано или поздно полетит.

Да, долгий путь к первому сборнику искушает назвать эту первую книгу «Избранным». Но самое странное вот в чем: в последние годы доверие к первым книгам заметно утратилось. Считается, что и в творческий союз следует принимать только после выхода в свет второй книги.

В чем тут секрет? Почему с таким трудом вышедшая в свет первая книга не внушает больше доверия? Ведь есть же первые книги, издание которых задержали превратности времени: их авторы были молодыми людьми с кипучей энергией, растроченной на хождения по коридорам редакций и издательств... И эти сборники доходят до читателей, как отблеск угасшей звезды.

Но есть и другие книги, издание которых в свое время было остановлено принципиальным и справедливым неприятием графоманства... ах нет, теперь их авторов принято называть «молодыми писателями» (у нас совсем исчезло из литературного обихода слово «начинающие» — все или «известные», или «молодые»!), — такое вот крапивное семя, почувствовав перемены в свою пользу, оживает и начинает захватывать необходимые и лучшие позиции в подступах к подлинной литературе. Им-то никогда не поздно публиковаться! Графомания всегда современна, как и гениальное слово. А едкая критика лишь поднимает их в собственных глазах: о нас шумят — значит, мы достойны шума! Таков результат застоя в литературной среде: отсутствие принципиальной оценки талантливых книг и снижение статуса критического слова.

Да, мы сами способствуем тому, что качество первых книг неудержимо падает.

.....Некий святой, живший во время оно, потеряв способность говорить, однажды показал ученикам два пальца. Впоследствии люди веками ломали голову над тем, что же он хотел этим сказать. И до сих пор по-разному истолковывают... А кто знает, быть может, этот святой попросту хотел спросить:

— Слушайте, а вторая книга у вас есть?

Впрочем, тут не до шуток. Вторая книга — это вторая проблема, и куда крупнее, серьезнее первой!

Мы уже стали свидетелями появления очередных книг Ямаша Игенея и многих других, поздно пришедших в литературу писателей. Те, первые их книги, понемногу забываются. Но остаются ли они в литературе? И почему вторая, третья книги не были восприняты как событие?! Почему так трудно сказать, что у писателя со второй книгой открылось второе дыхание? Но где же искать ответы на все эти вопросы, как не в первой книге?

А настоящее «Избранное», хоть и становится итогом большого труда, все же есть не что иное, как конечный результат обещаний, данных появлением первой книги. Путь к итогу нелегок — это ясно, но непрерывное движение вперед — это естественное состояние писателя. Так же естественно желание остановиться, перевести дух, но как же по совести можно довольствоваться только новой обложкой, только, по сути, вторыми и третьими изданиями-перепевами первой книги?!

Не знаю, в какой степени высказанные замечания касаются самого Ямаша Игенея, но хочется надеяться, что жизнь в Набережных Челнах, где сплелись многие пути и судьбы людские, дает ему возможность идти своим путем, при этом не повторяя самого себя, а также не лучшие образцы современной татарской литературы.

В его стихах хочется услышать запах полыни на челнинских лугах, увидеть, как вместе с новыми зданиями и новоприбывшими людьми изменяется наша жизнь, и всегда ли к лучшему? Хочется чувствовать, как проникает поэт в новые пласты жизни, его сопричастность к духовному бытию народа.....

Раз уж речь зашла о Челнах, вспоминается снова камазовская дорога... Хочется увидеть в этом доброе предзнаменование. КамАЗы, проложив из своей колыбели дорогу во все уголки мира, так — делом! — возвестили о своем существовании.

Поэту тоже нужен такой путь — путь деяний. И пускай будет затрачено немало душевных сил, зато это будет его собственный путь. А когда идешь своей дорогой — никогда не опаздываешь.

ИЗДАТЕЛЬ ИЗДАТЕЛЯ ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Был бы среди нас уважаемый В. В. Маяковский, вероятно, заметил бы по случаю: мы говорим «Просвещение» — подразумеваем «Магариф», а говорим «Магариф» — подразумеваем «Просвещение». И дело не только в том, что «Магариф» в переводе на русский означает то же самое — «Просвещение». Мы тезки и коллеги в самом прямом смысле.

Ведь, кроме обеспечения всех татарских школ России региональными учебниками, на нас возложена задача перевода и издания учебников федерального комплекта, изучаемых в татарской школе. Наша деятельность в этом направлении поддерживается правительством Татарстана, и в частности республиканским Министерством образования. Накоплен достаточный опыт редакционно-издательской работы. В республике имеется современная полиграфическая база, качественно изготавливающая книжные блоки. Учебники, созданные в сотрудничестве «Магарифа» с «Просвещением», положительно оцениваются учеными и педагогической общественностью республики.

Без ложной скромности должен заметить, что по объемам выпуска продукции среди национальных учебно-педагогических издательств России «Магариф» — самое крупное. Нашими учебниками пользуются все школы с татарским языком обучения, где бы — в какой области, республике или стране — они ни находились.

Масштабы деятельности гиганта учебной книги «Просвещения» и нашего регионального издательства, конечно, несравнимы. Но в то же время можно заметить, что масштабы и пропорции не всегда отражают реальные трудности, даже фактический объем работы. Известная татарская поговорка гласит: «Зур йортта ни булса, кече йортта шул ук мәшәкәт» («Что в большом, что в малом доме — заботы те же»).

Последние 7 лет работы в системе координат 70-летней истории нашего сотрудничества имеют совершенно иные измерения. Коммерциализация издательского дела в условиях «дикого» рынка осложнила наши многолетние добрые отношения. По известным соображениям, к изданию федеральных учебников подключились разные издательства. Возникла конкуренция — и не всегда честная, иногда с элементами коррупции и «со стрельбой из-за угла».

Вы, наверное, знаете, как у нас в Казани предсказывают погоду: какая она сегодня в Москве — через два дня и здесь будет точно такой же. Пока у нас, слава Аллаху, до стрельбы еще не дошло, но издание учебников и у нас кое-кому кажется «сладким» пирогом и уже потянулись к нему «немытые» руки. Точно так же, как и в Москве, найдутся и в провинции авторы, готовые за гроши продать душу дьяволу.

Но издательство, особенно учебно-педагогическое, не может возникнуть в одночасье и на пустом месте. Наш «Магариф» отличается от новоявленных издателей тем, чем отличается алмаз от своего «близнеца» — обычного угля. (Как все помнят из школьного учебника, основа угля та же, что и у алмаза, только кристаллы угля очень мелкие и в них больше дефектов.)

Учитывая такую особенность учебного книгоиздания, прежде всего мы пытались продолжить взаимовыгодное сотрудничество с издательством «Просвещение». И по сей день считаем, что сложности в наших отношениях предопределяются не финансовыми трудностями. Основным препятствием стало недостаточное взаимопонимание, даже некоторое недоверие, возникшее в борьбе с пиратскими наскоками. Поэтому вместо достойного ответа нас ставили в заведомо невыполнимые условия, отбивающие желание дальнейшего сотрудничества с «Просвещением».

Как известно, свято место пусто не бывает... И дело не только в том, что нишу, освобождаемую добровольно или не совсем, оперативно заполняют новоявленные сытины и харитоновы. И в Москве и в регионах появляются свои киселевы или виленкины, они по-своему «открывают» законы Пифагора и Ньютона.

Безусловно положительно то, что в последние годы на смену некоторым учебникам приходит новое поколение учебников. У них есть свои плюсы, но, естественно, остается возможность для совершенствования. Взять, к примеру, республиканский комплект: это прежде всего учебники по татарскому языку для детей-татар, обучающихся в русских школах и для изучающих татарский как иностранный язык. Почти с нуля пишутся и учебники по истории татарского народа.

И в связи с этим хотя бы попутно надо заметить, что у нас все активнее звучат голоса ученых и педагогов о необходимости создания оригинальных учебников по истории

России до 1917 года здесь, в Казани. Провоцируется это необдуманно тезисами, необъективными оценками, порой содержащимися в некоторых московских учебниках, при иллюстрации и анализе отношений русских правителей и татарских государств. Мы понимаем, что написание объективной истории зависит не только и не столько от издателей, но настоятельно хотели бы обратить ваше внимание на эту проблему. Мы уверены, и вы это прекрасно осознаете: в учебниках ни в коем случае не должно быть места положениям, задевающим, тем более оскорбляющим национальные и религиозные чувства.

Вроде бы все это мелкие детали или случайные моменты, незначительные нюансы. Но они, подобно компьютерным вирусам, могут вывести систему из равновесия, привести к необратимым последствиям.

Точно так же отстраненность, потеря культуры, наконец, одичание ветвей, создающих мощную систему общероссийских учебников, в том числе и для национальных школ, могут принести горькие плоды. Но мы по-прежнему верим, что разум возьмет верх над мелким расчетом и мелочными амбициями. И не наступит развал единого образовательного пространства России. Мы считаем, что ради этого стоит бороться, трудиться, сотрудничать.

Хочу подкорректировать поговорку «Рыбак рыбака...» и заявить, что издатель издателя также видит издаека. Мы с удовольствием сотрудничаем и с быстро набирающей обороты в области учебного книгоиздания «Дрофой». Не секрет: как бы ни было, от того, чей учебник будет издаваться в Казани в переводе на татарский, будет зависеть, каким учебником будут пользоваться в русских школах Татарстана. Получается, что «магарифские» учебники выводят на орбиту московских собратьев, и наше издательство — не что иное, как казанский «Байконур».

ТАТАРСКАЯ КНИГА В РОССИЙСКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

В Священном писании мусульман — Коране есть такие многозначительные слова: [в Судный день] «Каждый народ будет призван к своей Книге» (сура «Джасийа», 28-й аят). Лукавить не стану, на самом деле под понятием «Китаб» (Книга) Коран подразумевает несколько значений. И в только что приведенном отрывке имеется в виду не столько книга в ее обыденном восприятии, а своеобразный дневник-летопись деяний народа и дневник-жизнеописание каждого его представителя в отдельности. Держа в руках эту необычную книгу, где запечатлелись все земные дела — добрые и грешные, — должен держать отчет каждое племя, каждый раб божий. Впрочем, даже такая постановка вопроса не отрицает содержание понятия Национальной Книги в философском измерении, ибо книга в самом прямом смысле представляется духовным отчетом каждого народа. Наши предки во все времена с особым трепетом относились к книге, преклонялись перед высокой Истиной, зафиксированной в печатном слове, и не зря называли ее «Китап сүзе» («Книжное слово»). Место книги не только в духовном пространстве, но и в материальном измерении было высоко — ее хранили на самой высокой полке. Неписанный закон гласил: только смертельно голодному человеку, если он был не в силах достать себе спасительный кусок хлеба, разрешалось встать даже на книгу... Но мудрые люди никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в самые скудные времена, не позволяли себе наступить на книгу — на святую духовную пищу.

Насколько драматична судьба татарского народа в истории человечества, так же многострадальна и его книга. Ее не только на кострах жгли и «живьем» в сырую землю закапывали, даже, казалось бы, в просвещенный век она оказалась в руках наследников, сперва «ослепших», а затем «потерявших дар речи». Дабы разрушить мосты между прошлым и настоящим, под откос спустить обозы огромного наследия и в конечном счете стереть духовную память народа, несколько раз сменили алфавит. Так «ослепли» новые

поколения: под их ногами вытканый тысячелетним трудом «ковёр» арабской вязи — огромный культурный слой, но они ходят по нему и не ведают о том, что наступать на Книгу — грех, ибо их глаза заслонила пелена безграмотности. Потом язык предков сам был объявлен пережитком истории, и на протяжении нескольких десятилетий родители со своими детьми и внуками общались на более «перспективном» языке. Это был язык пламени, которому предназначалась миссия окончательного уничтожения Татарского дома.

Но Национальная Книга выжила даже в этих испытаниях, ибо лучшие представители народа спрятали его глубоко в душу и передавали новым поколениям через отцовское рукопожатие, через материнское молоко, даже когда они стали терять силу и вкус родного языка.

Когда-то, еще в студенческие годы, я писал: «Книга была последним воином, не сдававшимся завоевателям». Но не видится мне сегодня Книга в военных доспехах и тем более на поле брани. Первой книгой всех просвещенных народов была азбука, учебник. Первая печатная татарская книга, известная ученым, также была учебником и называлась «Грамматика татарского языка». Она родилась «по европейскому времени» около 400 лет назад (в 1612 году) в одной из столиц книгоиздания — в Лейпциге. А первой татарской книге «в российском переплете» недавно исполнилось 235 лет. Кстати, она заявила о себе на военном судне, плывущем вниз по Волге, и называлась не иначе, как «Манифест». Это было обращение Петра Первого к «иногородцам» с объяснением смысла его очередного «освободительного» похода — на этот раз в Персию (1772 год). Вроде бы не в добрый час родилась татарская книга России, и татарский язык был использован как орудие завоевателя. Но так ли много мирных минут было на нашей родине?! На самом деле и в этот раз национальная книга России предстала как посредник, выступила на дипломатическом языке русских царей — на татарском.

Когда же в результате острой борьбы с самодержавием и черносотенцами было завоевано право издания книг на родном языке и стали открываться национальные издательства, то совершенно не случайно одним из первых возникло издательское товарищество под названием «Магариф» («Просвещение»).

Опережая события, скажу, что ровно через 90 лет решением правительства Республики Татарстан была дана вторая жизнь издательству «Магариф». «Вторая» потому, что в начале 20-х годов XX века на горло национального издательства безжалостно наступили сапоги сталинистов, уничтоживших его под предлогом централизации издательского дела. И это тоже не случайно.

«Магариф» по праву считался одним из первых прогрессивных татарских издательств начала XX века, в котором наряду со светскими учебниками по различным дисциплинам, научно-популярной литературой, произведениями татарских просветителей печатались и переводы произведений русских, восточных и западных писателей (Л. Толстого, А. Чехова, Х.-К. Андерсена, Ж. Верна и др.). «Магариф» был в тесной связи с классиком татарской литературы Г. Тукаем, по сведениям ученых-книговедов, почти все прижизненные издания произведений великого поэта были выпущены в свет этим товариществом. С издательством активно сотрудничали известные татарские писатели начала XX века Ф. Амирхан, Г. Исхаки и другие.

Мы не для красного словца считаем себя духовными наследниками издательства, существовавшего в начале века с таким же названием. За десять лет, оставивших неизгладимый след в жизни народов Республики Татарстан, молодое издательство национального учебника и детской книги встало на ноги, став одним из символов возрождения республики. Своим плодотворным трудом «Магариф» оправдывает глубокую символичность, отраженную на его товарном знаке — эмблеме (молодой крылатый барс, крепко опирающийся на начало начал — букву «А»). А ведь еще не так давно балкон самого верхнего этажа Дома печати украшало большое рекламное панно с несколько вызывающим лозунгом: «"Магариф" — издательство будущего». Рекламный

щит под дождем и снегом «облысел», его давно убрали, и броский лозунг, кажется, уже забыт. Но воскресшее в конце XX века и уже с первых дней громко заявившее о себе национальное издательство не тратило эти годы впустую.

И не случайно с самого начала мы говорим о татарской книге в «российском переплете». Первое поколение печатных изданий на татарском языке, по сути, было также результатом русского книжного искусства. В XIX веке огромную роль в распространении татарской книги сыграла типография Казанского университета. В конце XIX — начале XX века значительный вклад в развитие татарского книгоиздательского дела внесли русские типографские мастера, и одной из особо ярких фигур среди них был И. Н. Харитонов, деятельность которого высоко оценивали его современники — известные татарские писатели и ученые. Русские типографии достаточно внимания уделяли усовершенствованию татарских шрифтов на арабской основе, художественному оформлению изданий, стали кузницей будущих татарских полиграфистов и книжных графиков. Хотя первая татарская типография, известная как «Азиатская», была организована в Казани в самом начале XIX века Габдульгазизом Бурашевым, в полном смысле разрешение на издательское дело получили лишь спустя сто лет братья Каримовы. По подсчетам известного ученого-книговеда Абрара Каримуллина, с начала XX века до Октябрьского переворота братья Каримовы успели выпустить 1700 наименований книг общим тиражом более 20 миллионов экземпляров.

Кстати, случайное совпадение цифр: именно 1700 наименований книг общим тиражом более 20 миллионов экземпляров — таков результат деятельности нашего издательства в аналогичном по протяженности отрезке истории (1992—2007).

Да, история любит аналогии. Еще недавно даже в учебниках истории утверждалось, что нерусские, особенно тюркские народы России, получили возможность учиться грамоте только при советской власти. Якобы у них не было даже «нормальной» письменности. В то же время в условиях «тюрьмы народов» настоящие русские ученые, литераторы и политики отмечали весьма высокий уровень грамотности среди татарского населения. Естественно, значительную роль в этом сыграло и печатное слово. По сведениям А. Каримуллина, в 1914 году, например, средний тираж книг, изданных в Казани на русском языке, не превышал 1,5 тысячи экземпляров, тогда как татарская книга имела средний показатель не менее 6 тысяч. Да, была жесткая цензура (а когда ее не было?), под различными предлогами закрывались типографии и издательства. И в то же время Казань не успевала полностью удовлетворять спрос на национальную литературу: татарские типографии открывались и успешно работали в Оренбурге, Уфе, Астрахани, Москве, Петербурге и других городах России. Широкий был ассортимент их продукции — от религиозной и учебной литературы до переводов русской, европейской и восточной классики. Если же дальше продолжим листать страницы истории, то вспомним, как в «золотые застойные» годы прошлого века в СССР работало одно-единственное татарское издательство, которое имело возможность выпускать лишь 25 процентов своей продукции на татарском языке....

Сегодня, по разным сведениям, в Татарстане от 40 до 140 издательств. Не моя задача определять их роль и место в культурно-просветительской жизни народов республики. Тем более, в последние годы достоверных данных, по крайней мере по Татарстану, нет даже в Книжной палате России. По нашим же подсчетам, не менее половины общего объема книжной продукции республики производится издательством «Магариф», из них 75 процентов — на татарском языке. В списке 100 крупнейших издательств России «Магариф» занимает 70 позицию (кроме нас из национальных издательств в этот список попал еще башкирский «Китап»).

Возможно, упрекнул меня в нескромности, однако кто кроме нас об этом скажет, если со всех сторон окружает информационная немота и глухота. Хотя российская пресса неизменно одобрительно отзывается о деятельности казанского «национального» издательства. Книги, подготовленные и выпущенные «Магарифом», венчают список

лауреатов республиканского конкурса «Книга года», становятся лауреатами и дипломантами всероссийских конкурсов («Детская книга», «Алые паруса», «Заветное желание» и др.). Международная организация детской и юношеской книги IBVY отметила труд издательства «Магариф» Почетной грамотой (2006).

Ассортимент выпускаемой нами продукции имеет широкий спектр: это, в первую очередь, учебники школьные и вузовские; книги на педагогические темы и учебно-методические пособия для учителей и воспитателей; разнообразные словари и справочники; научная и просветительская литература по истории и культуре народов России; художественные и научно-популярные книги для детских, школьных и семейных библиотек; научно-педагогические журналы и даже отрывной календарь на татарском языке...

Вполне понятно, что основной заботой национального учебно-педагогического издательства являются учебники по изучению государственных языков, литературы и истории наших народов.

Учебники по русскому языку и литературе, подготовленные и выпущенные издательством «Магариф», не только не уступают федеральным учебникам «для национальных школ», но и имеют ряд преимуществ по своей методике и содержанию. Сегодня некоторые московские издатели «охотятся» за этими учебниками, предвкушая сладкий запах наживы...

Для татар, обучающихся в русских школах (за долгие годы «интернационального воспитания» для многих из них тропинка к родному языку успела зарости травой забвения), а также для обучения русскоязычных детей республики требовалось в кратчайшие сроки создание совершенно новых учебников. Красочная «Алифба = Татарский букварь» (авторы Ф. Ю. Юсупов, Л. К. Новикова, художественное оформление Ф. Ш. Хасьяновой) тиражом 97 тысяч экземпляров стала первой ласточкой молодого издательства. Вскоре учебниками по татарскому языку были обеспечены все классы русскоязычных школ.

Мы давно мечтали выпустить учебное пособие для самых маленьких школьников на двух государственных языках республики, с тем чтобы 1 сентября оно стало приятным подарком, а также первым учебником о родине. Так на свет появилась красочная книга «Ватаным Татарстан = Родина моя Татарстан» с предисловием Президента Республики М. Ш. Шаймиева к детям. Это издание (автор Л. А. Харисова) получило положительный отзыв и при-влекло к себе внимание также за пределами республики.

Глубокие пласты истории и народных традиций раскрываются в учебных пособиях «Народная педагогика», «Уроки нравственности», «Религия мира и добра» (школьникам об исламе), «Культура народов Татарстана» и др. Событием стал учебник известного ученого Р. А. Фахрутдинова «История татарского народа и Татарстана», который под грифом «Магариф» переиздавался в Канаде и был преподнесен в дар Президенту и детям Татарстана.

Учитывая потребности системы национального образования, издательством «Магариф» проводится последовательная работа по выпуску учебников на татарском языке для высшей школы. Таким образом, была создана возможность для обеспечения полноценного образования на татарском языке. Радоваться-то неудобно: учебники для высшей школы на татарском были уже написаны в конце XIX века... Но нельзя не отметить, что за сравнительно короткое время были разработаны и изданы солидные учебники на татарском языке для вузовского образования: по различным курсам химии, физики, математики, по биологии, философии, педагогике, сельскохозяйственным наукам. В последние годы больше внимания стали уделять специальным учебным пособиям по татарскому языку для учреждений среднего профессионального образования. Издание таких учебников с середины 90-х годов прошлого века стало осуществляться целенаправленно, под руководством Комитета по языкам при правительстве республики. Но все равно нелегко пишутся и издаются такие книги. И дело не только в том, что за эту работу —

весьма трудоемкую и сложную — вынуждены браться бескорыстные энтузиасты, чаще всего не имеющие опыта создания капитальных учебников, но и в том, что еще недостаточно разработана терминология технических предметов, даже то, что было забыто. Поэтому особое значение приобретает создание и выпуск русско-татарских терминологических и толковых словарей.

Словарь — это не только кладезь науки и культуры, ключ к языку и сердцу народа, он в материальном смысле — достаточно трудоемкое издание, требующее вдумчивого и серьезного подхода. Только авторы и издатели знают, сколько труда вложено в «Биологический русско-татарский толковый словарь», включающий в себя около 10 тысяч слов (656 страниц убористого текста), или в «Анатомическую номенклатуру», впервые изданную на татарском, русском и латинском языках, чтобы они были восприняты научной и педагогической общественностью как неординарные явления. В содружестве с учеными и преподавателями Казанского государственного медицинского университета был издан уникальный словарь медицинских терминов. С большим интересом были встречены двуязычные толковые и терминологические словари... «Словарь арабо-персидских заимствований» был призван показать пути обогащения языков и народов. «Миллият сүзлеге», то есть словарь, отражающий национальное мировоззрение, раскрывает мощные исторические корни татарского народа и его многовековой богатый культурно-философский пласт. Англо-татарско-русский словарь терминов информатики и информационных технологий своеобразно отразил потенцию и перспективы развития родного языка. Не менее важным событием стал также выпуск двухтомного «Татарско-русского словаря» (более 150 печатных листов).

Впервые были созданы и изданы красочные книги для изучения языков в детском саду и младших классах: «Я изучаю татарский!», татарско-русско-английский картинный словарь «Тел ачыкчы = Ключ к языку», «Мой первый татарский словарь» и его продолжение — «В мире слов и предложений». «Мой первый татарский словарь» (авторы Фираз и Чулпан Харисовы) победил на престижном всероссийском конкурсе, был рекомендован Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для всех школ страны. В содружестве с фондом «Сэлэт» (в переводе с татарского — дарование) было осуществлено два выпуска электронной версии этого издания.

Длинный ряд словарей для потерявших дар родной речи дополнился «окном к языку» и для незрячих, хотя в данном случае действительно не допустима игра слов. «Русско-татарский и татарско-русский словарь» с использованием шрифта Брайля был выпущен в сотрудничестве с Республиканской библиотекой слепых.

В ходе выполнения программы по реализации Закона о государственных языках РТ выявилось: татарский, как уже сказано, в свое время прекрасно служивший российским царям языком высокой дипломатии и деловых писем в общении с восточными странами, с трудом используется даже при заполнении простых служебных бумаг. Учитывая эту ситуацию, издательством «Магариф» была выпущена целая серия практических пособий по ведению документации на двух государственных языках Республики Татарстан («Деловые документы на правоохранительной службе», «Секретарское дело» и т. п.).

Недавно нас попросили представить сведения о проделанной издательством «Магариф» работе за 15 лет, прошедших после принятия Закона о языках. Такую статистику не вели, и при подсчете оказалось, что опубликовано: более 70 наименований учебников для вузов и средних специальных учебных заведений на татарском языке общим тиражом 200 тысяч экземпляров; около 40 наименований различных словарей тиражом 290 тысяч экземпляров; выпущено 80 наименований научных и научно-популярных изданий по истории, географии и культуре Татарстана (не считая школьных учебников), их общий тираж составил 300 тысяч экземпляров.

Ощутимые результаты в выпуске социально значимой литературы были достигнуты только благодаря мудрой политике руководителей республики и финансовой поддержке правительства РТ.

Кроме выполнения государственного заказа республики, издательство «Магариф» ежегодно выигрывает гранты федеральной программы «Культура России» и на эти средства выпускает солидные книги, отражающие историю и культуру татарского народа. Из федерального бюджета финансируется также масштабный проект по подготовке и выпуску учебно-методического комплекта для вузов с углубленным изучением истории и культуры ислама, осуществляемый совместно с Татарским государственным гуманитарно-педагогическим университетом и Российским Исламским университетом (ректоры Р. Р. Замалетдинов, Р. М. Мухаметшин). Работа над такими изданиями вносит в жизнь редакторов учебно-педагогической литературы разнообразие, раскрывая их возможности и расширяя общий кругозор, одним словом, приносит «моральные дивиденды».

Особое место в издательской программе «Магарифа» занимают детские книги. Примечательно и то, что одной из первых книг, выпущенных под грифом «Магариф», были «Колыбельные песни». Стала настоящим подарком для читателей строго и одновременно изящно оформленная книга стихов яркого таланта начала XX века Дэрдменда. К юбилею А. С. Пушкина была подготовлена и издана книга переводов лучших стихотворений поэта, выполненных разными поколениями татарских писателей. Из серии «Мировая классика — на родном языке» увидели свет новые переводы популярных произведений — «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери, «Хаджи Мурат» Л. Толстого, «Приключения Тома Сойера» М. Твена, книга сказок народов мира под общим названием «Золотое яблоко» (переводчики Разиль Валеев, Люция Гиззатуллина, Саима Ибрагимова)... В сборнике с названием «Думай о Родине» состоялась своеобразная встреча поэтов-героев, павших на фронтах и в фашистских застенках, — М. Джалиля, А. Алиша, Н. Баяна, Ф. Карима и А. Кутуя. Последнее издание примечательно тем, что тексты стихов предложены не только на кириллице, но и на латинице — на графике, которой в свое время они были написаны.

Целенаправленно ведется работа по выпуску лучших образцов татарской литературы в переводе на русский язык: это — двухтомник «Золотые ступени», охватывающий XIV—XX века татарской поэзии, в переводах Равиля Бухараева; своим напутствием поддержал Чингиз Айтматов работу над новой серией «Мир татарской литературы».

У читателей получила хороший отклик первая антология современной татарской литературы на английском языке (ее презентация прошла в Хельсинки, на Всемирном конгрессе писателей). Затем были переведены на английский язык и изданы великолепно оформленные сборники татарских народных сказок и стихотворений для детей современного татарского поэта Ш. Галиева. Вышли в свет книга «История татар» Р. Фахрутдинова на английском языке, пьеса Т. Миннуллина «Старик из деревни Альдермыш», монография М. Сахапова о видном политическом деятеле и писателе Гаязе Исхаки, а также сказки классиков татарской литературы Г. Тукая и А. Алиша на татарском, русском и английском языках. Мы надеемся, что эта программа, осуществляемая совместно с Татарским ПЕН-центром, внесет значительный вклад в раскрытие загадочной татарской души, «умом понять» которую пока европейцы не успели.

В сотрудничестве с Национальной библиотекой Республики Татарстан разрабатывается выпуск книжных серий для школьных, детских и семейных библиотек. Плодом именно такого сотрудничества стало 12-томное собрание лучших произведений татарской литературы с древнейших времен до наших дней (серия «Хэзинэ» — «Сокровища»). Первая книга уникального проекта открывается словами аксакала татарской литературы Амирхана Еники. Следует заметить: нас вначале не понимали и в «больших» кабинетах, считая, что издательство занимается не «своим» делом. Мы упорно повторяли и доказывали, что эти книги не выпускаются за счет учебников, как пытаются утверждать наши недоброжелатели, более того, книга, адресованная детской аудитории, является одним из главных учебников, и она должна выпускаться именно нашим издательством, поистине «издательством будущего».

Продолжением этого направления является выпуск первых книг молодых писателей. Некоторые из них с первыми сборниками вступили в Союз писателей и стали самыми молодыми его членами. Книга «Семь цветов лета» была составлена из произведений юных дарований, объединившихся под крылом молодежного движения «Сэлэт» («Дарование»), пишущих на татарском и русском языках. Эта «первая ласточка» открыла дорогу сборникам авторов детской газеты «Сабантуй», детского журнала «Ялкын» («Пламя») и самостоятельным книгам юных талантов. Наша инициатива оказалась заразной: теперь в этом направлении усердно работают и другие издательства.

Серьезное внимание издательства уделяется пропаганде устного народного творчества народов России. Мгновенно разошелся тираж сборника татарских, русских и чувашских сказок «Волшебный клубок». Была выпущена книга даже на марийском языке. Заслуживают внимания серия великолепно изданных книг татарских и русских сказок на двух языках («Куян күчтәнече = Заюшкина избушка», «Урман экиятләре = Лесные сказки» и т. д.), собрание татарского фольклора для детей в 12 томиках «Энже чэчтем, энже жыям» («Жемчужины»). Последняя серия была задумана и осуществлена при участии ученых Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук РТ (директор К. М. Миннуллин).

При выполнении просветительских задач издательство активно и плодотворно сотрудничает с учеными республики. Кроме солидных научных монографий и исследований, как, например, «Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности», многотомная «История Казани в документах и материалах» (первая книга вышла с предисловием премьер-министра РТ Р. Н. Миннеханова), «Магариф»-ом издаются и популяризаторские труды. Читатели с интересом восприняли книгу «Чингиз-хан и татары», исторические романы татарских писателей с комментариями известных ученых, труды о дореволюционных татарских учебных заведениях.

Когда речь идет об обеспечении татарской диаспоры национальными учебниками, я вспоминаю свою старую «пародию» на школьную задачку. Хотя задачка совсем несмешная. Допустим, в пункте «А» выпущен татарский букварь — «Алифба». А в пункте «Б» впервые в школу пошел мальчишка Батырша из татарской семьи. Как же скоро дойдет этот учебник до Батырши? Поясню: пункт «Б» — это и Башкортостан, и другие регионы России, республики Средней Азии, Казахстан и Украина, Финляндия и Австралия... — словом, места компактного проживания татар. Пунктом «А» я обозначил наш «Магариф» в Казани. Но, к сожалению, нередко эта задача не имеет решения.

Да, татарская книга уникальна и одновременно проблематична тем, что дети татар, живущих на исторической родине, которая занимает огромные просторы Евразии, с надеждой смотрят на Казань, где для них издаются главные книги жизни — учебники на родном, материнском языке. Издательство «Магариф» за эти годы накопило опыт работы с регионами РФ на прямую поставку учебно-методической литературы. Однако приходится с горечью признавать, что сегодня татарское просвещение и татарская книга в масштабе России в основном держатся на энтузиазме. Да и бессмысленно ждать у моря погоды... Устами полномочного представителя Президента РФ в Государственной Думе было отчетливо заявлено: «Да, государство обязано обеспечивать обучение *на государственном* (читай: на русском) языке. Но оно не обязано осуществлять... издание учебников *на иных национальных языках*» (курсив наш).

Великий татарский поэт Габдулла Тукай в начале XX века вопрошал: «Нашего народа немало в общей отчизне. И у этого народа нет права на жизнь?!» (дословный перевод).

История повторяется, и мы в начале XXI века оглядываемся назад не за тем, чтобы бряцать старыми доспехами и задыхаться от пыли былой славы, а для уточнения своих настоящих координат и предстоящих направлений движения.

История восстановления издательства «Магариф», отражающая особенности национальной книги «в российском переплете», в конце, пожалуй, самого непредсказуемого века — не сказка, но в ней есть намек тем, кто знает толк во

внутренней, духовной жизни народа. Вещие слова видного литератора и мыслителя Гаяза Исхаки и ныне звучат пророчески: «Мәгариф — азатлык юлында беренче адым // Просвещение — первый шаг к свободе».

КАК СТРИЧЬ КУПОНЫ С УЧЕБНИКА

(«Краткое пособие» для новоявленного «труженика» на ниве учебного книгоиздания)

Нет человека опаснее того,
кто хорошо действует, но плохо мыслит.

Поль Валери, французский поэт

Аннотация

Сегодня все кому не лень издают книги. Увы, нередко мотивом или стимулом для отдельных издателей является не просветительство, а желание получить любым способом прибыль. Корыстолюбцы исхитряются гнать звонкую монету и на издании учебников. Речь об этом — в ироничных заметках на серьезную тему.

Начало

Понимаю: учебник ты давно не держал в руках. Может, и держал, но не открывал, а если и открывал, — то не интересовался, что там написано. Да и зачем тебе знать, что и как там написано? Я же вижу, как ты листаешь книгу. Не листаешь, а как будто считаешь... — считаешь деньги.

Ты, казалось бы, «по щучьему велению» стал ученым с громким именем: тебя объявили академиком, избрали «человеком года», объявили лауреатом какой-то «международной» премии. Но... ведь ты знаешь, что сегодня к этим побрякушкам мало кто относится без усмешки. Вот поэтому ты для себя решил: если внедришься в коллектив соавторов какого-нибудь учебника или пособия, то это и станет настоящим свидетельством твоей учености.

Так с чего же начать?

Глава 1. Убери преграды

С чего начать? Может, с выявления «недостатков» в существующем аналогичном учебнике? У Габдуллы Тукая есть саркастические строки о слишком «умном» мулле, в переводе звучащие примерно так: «...непоседой был он и ране; нашел ошибку теперь в Коране».

Но ты знаешь, обнаружить недостатки — еще полдела, главное — как их использовать. Если чувствуешь в пальцах зуд потенциального автора, первым делом смело ищи ошибки в чужих трудах, а если их совсем нет, — то выдумай. Прежде всего надо убрать с пути признанного автора, особенно если он ученый-фанатик, не умеющий толкаться локтями.

Вообще, старое поколение авторов всегда будет мешать тебе и тебе подобным. Нет, они не отнимут у тебя кусок хлеба, более того, ни о чем не подозревая, они будут радоваться появлению нового, энергичного автора и всячески помогать тебе. Но... на фоне их светлой бескорыстности, интеллигентности и, наконец, грамотности будет заметна твоя дремучесть.

Вот выдающийся твой опус уже почти готов. Но ты робеешь переступить порог специализированного издательства, вроде бы боишься редактора-профессионала. Конечно, не потому, что ты такой несмелый или скромный, просто ты последней каплей совести чувствуешь свою несостоятельность, знаешь, что взялся писать учебник только из корыстных соображений.

Да, теперь на твоём пути второе препятствие (первое — прежнего автора — ты уже убрал) — дальнейшая работа над рукописью, уже в издательстве. Самое главное — ты боишься, что при этом обнаружится твоя недостаточная компетентность, а порой и заурядная безграмотность. И чтобы избежать предполагаемого фиаско, обычно начинаешь жаловаться на «диктат издателя».

Разумеется, ты знаешь, что это неправда. Профессионалы издательского дела — неисправимые доброжелатели: с начинающими авторами они работают с особым терпением. И не всегда могут разгадать, что под видом «новичка» перед ними возник явно случайный человек с неумными претензиями. Они даже не подозревают, что именно такой «претендент» способен выжить честных авторов, громогласно «критикуя» их труды (одновременно присваивая их себе), или — в лучшем случае — может навязаться к ним в соавторы. Тебе знакомы эти лица? Да, они безликие, они — твои же духовные братья. И вполне понятно, почему такие «скромные авторы» лихорадочно ищут обходные пути для издания своих «трудов».

Можешь их успокоить. Благо, найдутся «добрые» люди, и они напечатают что угодно — были бы деньги. (Вот если их не будет... Так о чём наш разговор?!)

Глава 2. Печатаем деньги

Вот мы и подошли к самой основной проблеме, которая иногда может казаться важнее написания самого учебника. Честно говоря, позволь мне хоть в этом вопросе не иронизировать. Потому что с некоторых пор на прилавках стали встречаться книги (среди них есть и учебные пособия), насквозь пропитанные запахом наживы, слепленные на скорую руку, с многочисленными ляпсусами. Самое огорчительное в том, что на их обложках иногда читаю имена уважаемых мною людей. В такие мгновения меня охватывает неприятное чувство, будто бы эти талантливые, но униженные ученые сами лежат на прилавках в ожидании покупателя. Я делаю вид, что не замечаю их жалкий и стыдливый взгляд. Стараясь оправдать их, начинаю думать, что они, наверное, не дождались помощи государства, чтобы издать свои труды основательно, достойно, после должного редактирования. Вот почему приходится констатировать простую истину: качество учебника непосредственно зависит и от финансовой поддержки (и в немалой степени), поскольку субстанция учебника — не только духовная, но и материальная...

В данном случае я чувствую и свою вину: государственное издательство не всегда имеет возможность достойно оплатить труд настоящих тружеников. И не думай, что я замечаю только неприглядные стороны негосударственного книгоиздания. Предприимчивость, расторопность в любой области заслуживают похвалы. Когда человек материально заинтересован, он готов горы свернуть. Жаль только, если он не найдет ничего лучшего, чем делать деньги на учебниках.

Для этого большого ума не надо: например, ты сам можешь получить лицензию, открыть собственное «дело» под условным названием «книжное издательство» и печатать, печатать деньги, которые внешне похожи на книги (неважно, какого они содержания и какого качества)...

Скажу честно: если ты не имеешь в компаньонах хозяина типографии или не являешься оным, это не так-то и просто. Но предположим, что ты уже не автор-графоман, а издатель-самородок. Сумел ли ты стать руководителем государственной типографии или каким-то чудом «прихватизировал» ее — не имеет значения. Да, возможно, не все, состряпанное в твоей «мастерской», напоминает подобие книги, и с таким товаром наивно будет ждать, что серьезные люди заметят и оценят появление нового книжного дома и тем более нового Сытина (был такой известный издатель-меценат). Поэтому прежде всего ты должен в выгодном свете показать продукцию своего «карманного издательства». Например, под любым предлогом можешь сократить печатание книг государственных издательств, профессионально занимающихся этим делом (а ведь они и вправду не могут своевременно рассчитываться за полиграфические услуги). Но совсем их оттеснить

нельзя, ты и сам понимаешь: государство через них финансирует твою типографию — львиная доля бюджетных средств, проходя через счета издательств, попадает в твой карман...

И еще: пожалуйста, особо не высовывайся, а то приметят всякие писатели да ученые, прибегут, глупые, со своими романами и монографиями: мол, издавай, да еще плати гонорар. Можешь и им что-то обещать (они, быть может, и забыли, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке), но сразу при этом смело заяви, что книги ваши — деньги наши.

Глава 3. Государственная тайна

Итак, в стиле Мальчиша-Плохиша, открою тебе главную «государственную тайну».

Для дельца в нашей области самое заманчивое — учебники являются так называемым «госзаказом», т. е. производство их пока оплачивается государством. Вся соль в этом. И не только непосвященному человеку, но даже тому, кто, отпечатав учебники, долгое время ждет манну небесную, кажется, что бюджетное финансирование — такой большой пирог, что не грех бы быть поближе к нему, авось, достанется более лакомый кусок.

Чуть-чуть поднатужишься — и тебе поверят, вот увидишь. Как говорят, не важно, сколько обещать, важно — кому обещать. Надо искать того чиновника, который от имени государства налево-направо может раздавать бюджетные деньги. Не волнуйся: и среди госслужащих найдется хоть один «нормальный мужик». (Думаешь, случайным людям госзаказ «на блюдечке» преподносят только за красивые глазки?! Или веришь, что они сильнее, умнее профессионалов?) Ты должен видеть в этом чиновнике будущего соратника и убедить его в выгодности ваших рыночных отношений, а уж совместными усилиями вы вдвоем любой конкурс-тендер можете выиграть. От такого партнера почти ничего не требуется: он лишь должен сказать своему начальству, что у тебя «это» получается якобы быстрее и дешевле. Намекни: ведь ты не только для себя одного стараешься... Самое главное — успеть вовремя. А когда одумаются и спохватятся — скорее всего поздно будет.

На прощание...

Извини, я знаю, что по своей природе ты не читатель, и мне самому не хочется уделять тебе слишком много внимания. Тем более, я не верю в будущее твоего бизнеса. Потому что у нас не перевелись еще люди с государственным умом и чистыми руками, которые понимают, что забота о национальном учебнике не менее важна, чем забота о национальной безопасности. И поэтому надеюсь, не скоро еще будут созданы условия тебе и тебе подобным, чтобы стричь купоны с кустарных поделок. Так что жди наступления лучших для тебя времен.

СЕМЬ БУСИНОК ИЗ ЧЕТОК

1

Как луча ликование,
Как небеса,
Мятежно сияют
Родные глаза.
.....Эгей —
И леса,
И простор луговой!
Одна моя душа
Среди молний с тобой!

«Мне страшно,— сказала ты.—

Если ударит,
Не только дубы,—
Даже скалы повалит...»

В глазах твоих небо:
Грузны облака,
Прохладная грусть,
Холодок ветерка.
Все «Поздно»,— твердишь ты.....
Да нет же, не поздно.
Стань радостной,
Вспомнив про первые грозы.....

2

Похоже, он летел издалека.
И, навалившись на мое окно,
Он хнычет, что дорога нелегка
И тяжело дышится ему давно.
Наверно, он обижен:
Ручейков
Мелодии во всем ему слышны.
...Что делать мне?
Зима... Я к ней готов.
А все ж дороже мне разлив весны.

Буря,
От ликования не вой —
Мол, нагоняешь грусть тоской своей.
Когда скучаешь по весне былой,
Все ожиданья сладостней, острей!

Буря,
Поведаю тебе секрет:
Ты ничего не сделаешь со мной.
Когда в моем окне погаснет свет,
Тогда лишь и расстанусь я с весной.

3

Родной земле

Если меня не захочешь спасти
Каплей воды среди жгучего дня,
Если к твоей припаду я груди,
Ты же лишь холодом встретишь меня,—

Пусть даже сердце заплачет,
Сдержанье
Слезы сумею и стоны свои.
Благодаренья услышишь опять
Или признание в вечной любви!

4

Рассорились.
И означал твой взгляд

Разрыв.
Следы ухода заметая,
Посыпал снег,
Три дня не затихая.
Томили душу холод и разлад.

Напрасен был трехдневный снегопад,—
Все к твоему приходу обновилось.
В осенний мир мой
Белизна явилась:
Нет, все-таки прекрасен снегопад!

5

Котят незрячих
в сито положили
и в ледяную воду
погрузили.....

Живые,—
нет,
то не котята были,
а грезы непрозревшие мои,
слепые.

6

Задумчивая, ты в саду стоишь,
И платье белое колыхнется крылом.....
Ну что тогда я мог понять — малыш —
В нерадостном волнении твоём.
И то ль деревьям, то ль самой себе:
«Ах, дети, дети!» — повторяешь ты.
«Ах, дети!..» — вторят тополя тебе,—
Стенаний шепот слышен с высоты.

Не от тоски ли так тягучи дни —
Они теперь ползут, а не летят.
Давно заждались тополя твои,
Когда ты в белом платье выйдешь в сад.
О чем же, Мама, думалось тебе?..

7

Время стремления.
На облака
Глядя, хочется им поклоняться.
...Великолепно, наверняка,
Шариком в детских руках оказаться.

Пускай отпустит малыш меня
В огромное небо,
Куда я рвался.
Всем сердцем ждал я высокого дня —
И вот наконец дождался!

Знаю, рискованно стремление это,
Сил вроде бы маловато....

Но жизнь — всегда для полета к свету.
Взлететь — хоть попробовать надо!..

РОЖДЕННЫЙ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ БЛИЗНЕЦОВ

Может быть, поэтому, единственный ребенок у матери, он с младенческих лет имел... «близнеца»: в одном и том же лице его знали и как Салиха Маннапова, и как Мударриса Валеева. В семье дедушки, где мальчик оказался после смерти отца, словно желая проверить небытием и забвением, ему было присвоено второе имя — будущий псевдоним.

Пока Мударрис учился в школе, а потом в вузе, его «близнец» — Салих — становился известным в округе молодым поэтом и готовил к изданию книгу стихов. На его первые стихи, которые становились победителями республиканских конкурсов детского творчества, обратил внимание тогда уже известный поэт Равиль Файзуллин. Пройдут годы, и слова напутствия старшего товарища (ныне народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии РТ имени Г. Тукая) будут оправданы прекрасной книгой стихов «Эхо первой любви».

Я не сомневаюсь, что Мударрис Валеев стал бы известен как неординарный литератор, если творческие возможности исчерпал бы только на ниве поэзии. Но в один прекрасный день он ощутил потребность выразить свою вторую сущность еще полнее, тогда появился новый литературный критик. К его голосу стали прислушиваться читатели, да и старшие собраты по перу не могли обойти его своим вниманием: еще до выхода первой книги — в 1983 году Салих Маннапов был принят в Союз писателей СССР. Назар Наджми, видный поэт Башкортостана, прочитав его книгу «Глубину корней чувствуют листья», написал: «Говорят, поэтом надо родиться. Талант литературного критика у Салиха Маннапова, очевидно, также от рождения». Аксакала поразила не только принципиальность, объективность и научность анализа критика-литературоведа, но и поэтический стиль его пера. Назар-ага не знал, что Салих-Мударрис — прежде всего поэт.

Творческая личность Мударриса Валеева нашла понимание и поддержку видных литераторов республики Сибгата Хакима, Гарифа Ахунова, Аяза Гилязова и других. Мударрис и сам всегда был наставником для молодежи. Помнится, он еще в студенческие годы руководил знаменитым студенческим литературным кружком Казанского университета «Альюки». Организовал заочную школу молодых критиков при газете «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана»), был среди первых членов редколлегии вновь созданного молодежного журнала «Идель». Когда работал в редакции литературного журнала «Казан утлары» («Огни Казани»), он неизменно помогал творческому росту молодых писателей. В издательстве «Магариф» Мударрис Валеев ввел систему подготовки и выпуска первых сборников молодых талантливых авторов, выбирая лучшие произведения на конкурсной основе. Он и сегодня свой человек среди студенческой молодежи — обучает их профессиональным секретам книгоиздательского дела.

Педагог по образованию и призванию, опытный журналист и талантливый писатель, умелый организатор и принципиальный руководитель — такова краткая характеристика директора Национального издательства Республики Татарстан «Магариф». Его не баловали наградами, но те, которые есть, — несомненно заслуженны. Недавно я узнал, что Мударрису Валееву вручили знак «За заслуги в области образования» (признание его 19-летней самоотверженной работы в области учебного книгоиздания), кстати, столько же (19) лет назад он стал Заслуженным работником культуры республики. Хотя он сам считает самой главной наградой для себя литературную премию имени А. Алиша, которой был удостоен в 2004 году коллектив издательства, возглавляемого им.

Еще в 2002 году главная газета российских издателей «Книжное обозрение» выдвинула Мударриса Валеева на соискание премии «Человек Книги». Так она писала в статье, озаглавленной «Знаток книги и детской души»:

Мударрис Харисович, имея солидный опыт журналистской и издательской деятельности, проработав в самые сложные годы главным редактором татарского книжного издательства, создал с нуля издательство национальной учебно-педагогической литературы «Магариф».

Сегодня в недрах издательства создаются школьные и вузовские учебники, отвечающие самым высоким требованиям. М. Валеев добился того, что издательство «Магариф» стало лидером в республике... и самым крупным национальным учебно-педагогическим и детским издательством России...

Как руководитель Мударрис Валеев завоевал заслуженный авторитет не только в своем коллективе, но и в среде писателей и ученых, у общественности и руководства республики.

«Издательство в издательстве», на высоком профессиональном уровне занимающееся национальной детской литературой, было создано М. Валеевым фактически «на общественных началах». В великолепном

оформлении были изданы книги Ш. Галиева, Р. Хариса, Т. Миннуллина, Р. Валеева, Р. Миннуллина и других известных татарских писателей.

«Каждому поэту — такую бы книгу!.. Книга, которую так роскошно выпустили в Казани... Всем бы такой вот размах, каким обладает издательство «Магариф»!..» — восхищалась «Независимая газета». «Конечно, так стихи издавать не следует, но иногда все-таки можно — в виде исключения, чтобы это подарочное издание стало своего рода итогом работы». — Так, с доброй завистью отозвался журнал «Дружба народов» о книге, изданной «Магарифом».

Кстати, говорят, бывает, посторонние люди иногда к директору обращаются не иначе, как к «Магарифу Харисовичу», — то ли по ошибке, то ли с добрым юмором, но мне думается — это не случайно. «Магариф», как уже было сказано, в переводе означает «просвещение». Мударрис — вошедшее с арабского имя, кажется, также запрограммировало судьбу: мударрис — это просветитель, учитель, наставник.

...В свободное от службы время Мударрис Валеев, перевоплощаясь в Салиха Маннапова, доверяет самые сокровенные свои мысли чистому листу бумаги. В его произведениях объединяются два начала: поэтическое видение мира и аналитическое осмысление литературы, тонкая интуиция и глубокие знания, мягкий, почти лирический тон изложения и твердая, последовательная защита своих воззрений.

Когда он выступает как мастер пера, в его ответственности, проявлении особой заботы о будущем родной литературы просматриваются опыт руководителя и настоящий профессионализм.

Именно такое двуединство определяет целостность творческой природы писателя, издателя и ученого-педагога Мударриса Валеева.

Равиль Бухараев,

поэт,

лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая

Лондон — Казань

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Валеев Мударрис Харисович — литературный критик, поэт, член Союза писателей СССР (1983 г.). Заслуженный работник культуры ТАССР (1989 г.). Окончил Казанский университет (1976 г.). В 1976—1979 гг. корреспондент, заведующий отделом газеты «Татарстан яшьләре», в 1979—1989 гг. старший редактор, ответственный секретарь, заместитель главного редактора журнала «Казан утлары», в 1989—1992 гг. главный редактор Татарского книжного издательства. С 1992 г. — директор Национального издательства Республики Татарстан «Магариф».

Кандидат филологических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Член Учебно-методической комиссии УМО по педагогическому образованию Министерства образования и науки РФ. Член ученого совета Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ. Член-корреспондент Российской Академии гуманитарных наук. Член правления Союза писателей РТ. Член редколлегий журналов «Казан утлары» и «Казанский педагогический журнал».

Награжден медалью «За гуманизм и служение России», знаком «За заслуги в области образования». Лауреат Республиканской премии им. М. Джалиля.

Автор литературоведческих книг «Сезгә ышанам» (1984), «Тамыр тирәнлеген яфрак тоя» (1988), «Возвращение Звезды» (1992), «Гамәл дәфтәре» (2003), книги стихов «Яшьлектән хат» (1998), сборника статей о современной татарской книгоиздательской деятельности «Китап: Татарстанда нәшрият эше» (2001). Переводы с русского на татарский язык, выпущенные отдельными книгами: роман М. Юхмы «Кунгуш — птица бессмертия» («Көнгыш — үлемсезлек кошы», 1987), роман З. Фаткудинова «Резидент — Черная вдова» («Үлем элмәге», 1991) и др. Учебники и учебные пособия: «Издательское дело = Нәшрият эше» (2003), «Китапчылык тарихы» (2005), «Китап редакторы: Ижат һәм оештыру эшчәнлеге» (2006), «Милли нәшрият һәм китап редакторы» (2006). Автор-составитель сборника «Балалар календаре» (1989). Соавтор англо-татарско-русского толкового словаря «Термины информатики и информационных технологий» (2006).

О его творчестве: Фәйзуллин Р. Таныш булыгыз: Салих Маннапов // Татарстан яшьләре. — 1969. — 30 окт.; Мостафин Р. Йөрәк жылысы белән // Татарстан яшьләре. — 1985. — 25 май; Нәжми Н. Тирәнлекне тою // Кызыл таң. — 1988. — 15 дек.; Фәйзуллин Р. Кайту // В кн.: Сайланма әсәрләр. Том 4. — Казан: Татар. кит. нәшр. — 1998. — 200—206 б.; Шәрәфетдинов Г. Китап эчләрендә «Китап» // Мәдәни жомга. — 2002. — 12 апр.; Знаток книги и детской души // Книжное обозрение. — 2002. — 3 июня; Бухараев Р. Рожденный под созвездием Блинецов // Молодежь Татарстана. — 2003. — 11 февр.; Юнысова А. Китап абый // Ватаным Татарстан. — 2003. — 31 май; Низами Р. Барыбызга да Вақыт хөкемдар // Идел. — 2003. — № 5. — 50—51 б.; Гаташ Р. Якты сәхифәләр // Сабантуй. — 2003. — 28 июнь; Нотфуллина Н. Күңелнең саф чагы // Татарстан яшьләре. — 2003. — 17 июль; Са-фин Ф. Гамьле гамәлләр кылыйк // Казан утлары. — 2003. — № 12. — 155—159 б.; Мустафин Р. Линия жизни // Татарстан. — 2004. — № 4. — С. 66—67; Заһидуллина Д. «Гамәл дәфтәре»ндә ниләр бар?.. //

Мәйдан. — 2004. — № 6.— 103—106 б.; Мәхмүдов Ә. Талантлы хезмәт // Мирас. — 2005. — № 3.— 60—63 б.;
Вәли-Баржылы М. Тәллитут // В кн.: Тормыш дулкыннары. — Казан: Татар. кит. нәшр. — 2005. — 191—194 б.

СОДЕРЖАНИЕ

Раскрытая книга — руки, сложенные для молитвы	
Помнишь?	
Пока не вернешься в землю	
Глубину корней чувствуют листья	
Вечерние птицы	
Напряженный свет в окне	
Мы очень близки друг другу	
За уходящей волной	
Хозяин беспокойного дома	
Жажда	
Подводный родник	
Дорогу осилит идущий	
Издатель издателя видит издалика	
Татарская книга в российском переплете	
Как стричь купоны с учебника	
Семь бусинок из четок	
Рожденный под созвездием Близнецов. <i>Р. Бухараев</i>	
Биобиблиографическая справка	

Над книгой работали:

Ч. И. Ялалова (редактор),
Л. С. Золондинова (художественное оформление),
Ф. К. Гумерова (оригинал-макет),
Г. Р. Зарипова (корректур)

В выполнении авторизованного перевода отдельных частей книги помогли: Р. Бухараев, А. Хаиров, И. Гаязов, Г. Хайруллина, З. Сахипова, А. Садыкова.

Переводы стихов: С. Малышев (1—3), Л. Газизова (4—7).
Искренняя благодарность им всем!

Литературно-художественное издание

Валеев Мударрис Харисович

Визитная карточка

ИЗБОРНИК

Казань. Издательство «Милли китап».
Издательство «Магариф».
2008

Подписано в печать 14.03.2008.
Формат 84x108^{1/32}. Офсетная бумага.
Тираж 1000 экз.

Издательство «Милли китап».
420111, Казань, ул. Кремлевская, 33.
Издательство «Магариф».
420059, Казань, Оренбургский тракт, 20а.
Тел. (843)277-52-62.
E-mail: magari@mail.ru.

